

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ «ЧАЙНАЯ РОЗА»,
«ЗИМНЯЯ РОЗА» И «СЕСТРИЦА»!

ДЖЕННИФЕР ДОННЕЛЛИ

ЗЕРКАЛО, ЗЕРКАЛО
НА СТЕНЕ,
КТО ГОТОВИТ
ГИБЕЛЬ МНЕ?

The Big Book

Дженнифер Доннелли

Железное сердце

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Доннелли Д.

Железное сердце / Д. Доннелли — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-19703-9

Красивая и добрая принцесса Софи вскоре должна взойти на трон. Но злая королева, мачеха Софи, считает падчерицу слишком мягкосердечной. Для безжалостных людей нет ничего вреднее доброты. Правители не должны знать жалости. Не должны показывать ни слабости, ни страха. Желая сохранить власть, королева приказывает егерю убить Софи и забрать ее сердце. Однако семь лесных человечков спасают девушку, вставив ей вместо сердца часовой механизм... И теперь перед Софи стоит сложный выбор: спрятаться, смириться с жестоким правлением королевы или бороться. «Железное сердце» – это еще одна интерпретация истории о Белоснежке, рассказанная Дженнифер Доннелли, автором бестселлеров «Чайная роза» и «Сестрица», лауреатом многочисленных премий, в частности Медали Карнеги. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19703-9

© Доннелли Д., 2020

© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	29
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	34
Глава 13	35
Глава 14	36
Глава 15	37
Глава 16	38
Глава 17	40
Глава 18	42
Глава 19	44
Глава 20	48
Глава 21	51
Глава 22	54
Глава 23	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дженнифер Доннелли

Железное сердце

*Мэлори Касс, моему замечательному издателю, с благодарностью
и восхищением посвящается*

Jennifer Donnelly
POISONED

Copyright © 2020 by Jennifer Donnelly
This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

© Н. Маслова, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Пролог

Однажды, давным-давно, заехала одна девушка в Темный Лес.

Губы у девушки были красными, как вишня, кожа – белой и нежной, как свежий снег, а волосы – темными, как ночь.

Высокие сосны вздыхали и шептались, когда она проезжала под ними в сопровождении королевского егеря. На их верхушках сидели вороны с блестящими черными глазами и, склонив головы набок, смотрели вниз.

Когда рассвело, егерь указал на пруд впереди и сказал, что надо остановиться и напоить лошадей. Девушка спешила и пошла с ним рядом. Она так глубоко задумалась, что не слышала, как прошелестел кинжал, покидая ножны. Не видела, как егерь повернул лицо к заре, не заметила муки в его взгляде.

Девушка вскрикнула от неожиданности, когда егерь обхватил ее широкой ладонью за талию и грубо притянул ее к себе. Широко распахнув глаза, она недоуменно глядела в его глаза, ища в них ответа на свой невысказанный вопрос. Она не испугалась – сначала. И когда он воткнул кинжал ей между ребер, почти ничего не почувствовала – так, легкий укол, после которого стало мокро и горячо, словно она пролила на себя горячий чай.

Но тут явилась боль и, рыча, вонзила в нее свои окровавленные когти.

Девушка запрокинула голову и закричала. Из кустов выскочил олень и испуганно помчался прочь. Вороны сорвались с верхушек деревьев и бешено захлопали крыльями.

Егерь знал свое дело. Он не мешкал. Тысячу оленей выпотрошил он за свою жизнь. Вот и теперь ножом такой остроты, что впору вырезать радугу с неба, он быстро рассек тонкие ребра, раздвинул плоть и перерезал сосуды.

Голова девушки поникла. Ноги подкосились. Егерь осторожно опустил ее на землю и встал возле нее на колени.

– Простите меня, милая принцесса. Простите, – умолял он. – Я совершил это злодеяние не по своей воле, но по приказу королевы.

– За что? – прошептала девушка с последним вздохом, и жизнь покинула ее.

Но егерь, чьи глаза были полны слез, не мог говорить. Молча исполнив свою страшную задачу, он поднялся с земли, и девушка получила ответ на свой вопрос. Последним, что видели, закрываясь, ее глаза, было ее собственное сердце: маленькое и прекрасное, оно трепетало в руке егеря.

* * *

Молчат лесные птицы. Затихли звери. Ночная тьма еще стоит под деревьями. На холодной земле умирает девушка, в ее груди, там, где положено биться сердцу, зияет рваная красная дыра.

– Егеря на дыбу! – слышу я твой возмущенный крик. – Королеву на костер! – Я разделяю твои чувства.

Но давай посмотрим внимательно – есть ли среди них главный злодей, виновник всех бед?

Конечно нет, и это совсем не удивительно. Ведь он хитер и осторожен, и с каждым из нас говорит только наедине. Приходит он и к тебе: встает в темном углу и шепчет, шепчет свои отравленные слова. Каплю за каплей вливает тебе в уши свой яд, откуда тот перетекает прямо в твое сердце.

Тебе кажется, что ты уже знаешь эту сказку. На самом деле ты знаешь лишь то, что тебе рассказали.

– А ты кто? И откуда тебе знать больше? – задаешь ты вопрос.

И имеешь полное право получить ответ.

Я – егерь. Тот самый. Правда, я уже умер, но это дела не меняет. Мертвые тоже говорят. Наши языки черны от времени и горьких сожалений, но они все равно произносят слова. И ты услышишь их, если напряжешь слух.

Ты возразишь мне, что все это выдумки. Что я пичкаю тебя сказками, историями о том, чего никогда не было. Но в Темном Лесу по сей день бродят такие твари, каких ты и представить себе не можешь, и лишь глупец станет отрицать их существование.

Мудрые бабушки советуют нам держаться торной тропы и не заходить в лес.

Но как быть, если в один прекрасный день тебе все же придется свернуть с тропы, чтобы узнать, какой страх таится в чащобе?

Ведь если ты не пойдешь к нему, он сам отыщет тебя.

Глава 1

Днем раньше...

– Ату его! – кричала королева, шпоря горячего скакуна.

Собаки гнали зверя. Серый волк выскочил из кустов шиповника и теперь бежал вглубь леса. По пятам за ним, захлебываясь злобным лаем, неслась королевская свора.

Лишь самые отважные из охотников не отставали от королевы в этой гонке, хотя им стоило больших усилий держаться с ней наравне, и только принцесса на быстрой, легконогой лошадке храбро ринулась вперед и обогнала ее величество. На головоломной скорости неслась она следом за сворой, то пропадая из вида, то вновь появляясь, развевающаяся юбка мелькала среди деревьев. Ее лошадка перескочила через каменную изгородь, распласталась над ручьем, а миг спустя перелетела через заросли, такие высокие, что за ними ничего не было видно. Принцесса потеряла шляпу; черные волосы струились за ее спиной, как ленты ночного мрака.

Королева не смогла ее догнать. Не смогли и принцы, Хаакон и Родриго. Я видел, как они мчались по лесу: королева в белом, благородные дамы и господа из ее свиты в красно-коричневом, темно-зеленом и охряном. Я видел, как прильнул барон к шее лошади, обеими руками вцепившись ей в гриву. Расстояние между ним и королевой быстро сокращалось, но в тот самый миг, когда барон уже готов был вырваться вперед, его лошадь споткнулась. Всадник вылетел из седла, коротко вскрикнул и рухнул на землю, тошнотворно хрустнув костями.

– Бросьте его! – крикнула егерям королева. – Потом соберем отставших!

Несчастный лежал под деревом с закрытыми глазами и окровавленной головой. Я проскакал мимо; другие охотники тоже. Только принцесса обернулась и бросила на него взгляд.

Мы гнались за сворой, ведомые лаем, меняя направление всякий раз, когда он начинал доноситься из другого места. На время я потерял королеву из виду – она въехала в лощину, полную тумана, – а когда увидел ее вновь, она уже догоняла собак. И принцессу.

Гончие взяли волка в кольцо, но приблизиться не решались. Он был большим и страшным и уже зарезал двоих. Растерзанные тела лежали рядом.

А где же был он, виновник, спросишь ты? О, да. Он тоже был там.

Он всегда был поблизости, наблюдая и выжидая.

Я слышал его в утробном волчьем рыке. В нервном перестуке лошадиных копыт. Я видел его во взгляде принцессы, где он колыхался, точно трехдневный утопленник, поднявшийся из речных глубин.

И вдруг волк, оскалившись, бросился на лошадей. Лошадка принцессы заржала и вскинулась на дыбы, но всадница удержалась в седле. Скакун королевы расширил ноздри, прижал уши, но не двинулся с места, зато сама королева соскочила на землю.

И стала обходить свору кругом, кричать на собак, наускивать их на волка. Собаки лаяли, пуская слюну, и хватали зверя за ляжки. Он огрызался, но ведь он был один против целой своры. Собаки тоже это знали и потому становились все смелее. Только одна из них, маленькая и хрупкая, держалась поодаль.

Королева заметила это; ее глаза потемнели.

– Дерись, трусиха! – закричала она.

Но собака, поджав хвост, отбежала подальше. Разъяренная королева выхватила у егеря хлыст и кинулась за ней.

– Ваше величество! Волк уходит!

Это был принц Хаакон. Он только что подъехал к охотникам. Королева отшвырнула хлыст и бросилась к коню, но пока она садилась в седло, собаки – и принцесса с ними – уже скрылись из виду, снова пустившись за добычей.

Целую милю – такой сложный и долгий путь! – принцесса скакала за волком, пока наконец дорогу им не перерезал глубокий овраг. К счастью, ей удалось остановить лошадь в нескольких ярдах от края, но волк добежал до самого обрыва. Увидев, как круто уходит вниз земля, он попытался сдаться назад, но слева на него напали собаки. Справа, от края обрыва до леса, тянулась настоящая стена из шиповника, высотой не меньше десяти футов. Зверь заметался на краю оврага, собираясь с силами, чтобы перескочить на ту сторону, но потом понял, что ничего не выйдет. Тогда, опустив голову и подняв плечи, он развернулся к псам, готовясь дать им последний бой.

Принцесса подъехала к зверю так близко, что разглядела полоску светлой шерсти на горле и рваное ухо. Волк поднял голову, и она увидела страх в его серебристых глазах. Тогда принцесса соскочила с седла, ринулась в гущу зашедшихся лаем собак, принялась хватать их за ошейники, оттащить прочь, топтать на них, кричать, пока между ними и добычей не образовалось свободное пространство.

– Прочь отсюда! Уходи! – крикнула она волку.

Тот уже разглядел небольшой просвет в стене шиповника. Длинные шипы крючьями впились в шкуру зверя, рвали уши, расцарапывали в кровь морду, но он все же пролез под беспощадными кустами и скрылся. Собаки полезли было за ним, но их морды оказались нежнее, а шкуры тоньше; они отступились.

Принцесса думала, что оторвалась от остальных охотников и никто не видел всего этого, но она ошибалась – ее видел я. Я скакал за ней след в след и подоспел к оврагу как раз вовремя, но ничем не выдал своего присутствия. Мне не раз случалось охотиться для королевы, и не всегда моей добычей бывали волки.

Я видел, как принцесса стоит, уткнувшись лицом во взмыленную шею своей лошади. Видел, как поникли под гнетом тяжелой усталости ее плечи. Видел, как она прижимала ладонь к груди, словно старалась унять боль под ребрами.

Дорого обошлась ей эта шарада. Но еще дороже она обойдется всем нам потом.

Вдалеке застучали копыта. Эхо донесло крики «Ату!». Когда королева, принц Хаакон и другие охотники подъехали к принцессе, та уже стояла, гордо расправив плечи; от усталости как будто не осталось и следа.

– Боюсь, сегодняшняя забава окончена, матушка, – с притворным сожалением сказала принцесса, кивая в сторону обрыва. – Волк выбрал скорую смерть.

Королева подъехала к краю и хмуро глянула вниз.

– Какая жалость, – сказала она, – у нас украли добычу.

Она обвела глазами сначала свору, потом кусты. Вдруг ее взгляд стал особенно острым. Принцесса не заметила этого, садясь в седло, но я видел, что именно привлекло внимание королевы. На шиповнике, недалеко от земли, повис клочок меха. Серого. Как у волка.

Лицо королевы помрачнело.

– Егерь, труби конец охоты, мы возвращаемся! – скомандовала она.

Я задул в рог. Гончие королевы повернулись и двинулись в обратный путь, продолжая обнюхивать землю. Маленькая трусливая сучка, все так же поджав хвост, трусила с краю. Всадники ехали, переговариваясь и смеясь.

Когда в лесу все стихло, на поляне, где только что разыгралась шарада со спасением волка, раздался другой звук – жесткий, свистящий, похожий на шелест шелковых юбок. Подняв голову, я увидел иссиня-черную ворону – она сорвалась с ветки.

Хрипло каркнув, ворона полетела вглубь Темного Леса.

Этот звук я помню и сейчас, хотя с того дня прошли уже века.

Птица словно предостерегала.

Или предвещала дурное.

А может, смеялась.

Глава 2

Поводья были в крови.

Софи заметила это, когда передавала их конюху.

Она взглянула на свои ладони. На каждой отпечатались четыре ровные полумесяца, оставленные ее собственными ногтями. Ей было страшно, когда она галопом неслась через лес. Лошадь была стремительной и нервной, приходилось напрягать все силы, чтобы подчинить животное своей воле. Но лошадь все равно мчалась вперед так, словно волки гнались за ней, и Софи все время ждала, что вот-вот вылетит из седла и сломает себе шею. А потом увидела волка и испугалась еще больше. Зверь был таким огромным, он легко мог разорвать ее в клочья, как тряпичную куклу.

Однако не лошадь и не волк были главной причиной порезов на ладонях, и она знала это. Охота давно закончилась, а колени ее все дрожали.

– Глупая, безмозглая девчонка, – зашипела она на себя.

А вдруг королева видела, как она отпустила волка? Или видел кто-то другой? У мачехи всюду шпионы.

Она поспешно достала из кармана перчатки и натянула их на руки. Бесстрашная принцесса, которая в головоломной скачке обогнала принцев и даже королеву; бессердечная принцесса, для которой не было большего наслаждения, чем загнать зверя и смотреть, как псы затравливают его насмерть, – такой принцессы не существовало, это была маска, ложь. Порезы на ладонях – вот правда, написанная кровью, но о ней никто не должен проводить. Правители не знают жалости. Они не показывают ни слабости, ни страха. Они не плачут сами, но заставляют плакать других. Мачеха говорила ей это тысячу раз.

Стоя посреди обширного мощеного двора, окруженного псарнями и конюшнями, Софи огляделась в поисках королевы и ее свиты, но те еще не вернулись. «Вот и хорошо», – подумала она. Сначала охота, потом обратный путь, когда приходилось поддерживать светскую беседу, быть очаровательной и остроумной, – все это отняло у нее последние силы. Больше всего на свете ей хотелось подняться никем не замеченной в свою спальню, избавиться от душной, насквозь пропотевшей амазонки и принять горячую ванну.

В парадном дворе слуги уже накрыли длинный обеденный стол. На льняных скатертях стояли блюда с мясными пирогами, жареной дичью, копчеными окороками, сырами, орехами и фруктами. Софи прошла мимо стола, опустив голову, чтобы не привлекать ничьего внимания.

– Приветствую тебя, бесстрашная Артемида, богиня охоты! – раздался громкий голос с другого конца двора.

Сердце Софи упало. «Вот и прошла незамеченной», – подумала она.

Подняв голову, она увидела принца Хаакона, который шел ей навстречу. Он был хорош собой, этот Хаакон, – золотистые волосы, кожа цвета бронзы, черты лица безупречны, как у мраморного бога. За ним шел второй принц, Родриго, – изгиб его полных губ источал соблазн, темные глаза сулили блаженство. Софи приветливо улыбнулась обоим. Выбора у нее не было: либо тот, либо другой, вполне возможно, станет ее мужем.

Утренняя охота была началом целой череды увеселений, посвященных ее совершеннолетию. Вечером здесь, во дворце Конигсбурга, состоится бал – блистательное событие, на которое приглашены не только мачехины придворные, но и правители всех сопредельных государств со своими свитами. Завтра ей, Софи, исполнится семнадцать и она наденет корону отца. Став королевой, она выйдет замуж, ведь мачеха давно спит и видит, как бы найти падчерице в мужья титулованного и могущественного правителя.

– Думаю, подойдет молодой принц Скандинавии, – сказала она, когда речь о замужестве принцессы зашла впервые. – Либо племянник императора. Или сын султана.

– Но, матушка, я ведь даже не знакома с ними. Что, если я не смогу их полюбить? – спросила тогда Софи.

– Любить? – переспросила королева, и голос ее прямо-таки сочился презрением. – Никакой любви не существует, это выдумка, и очень опасная. Твои женихи должны кружить тебе голову рассказами о силе своих армий, а не чувств и распалить твоё воображение неуязвимостью своих крепостей, а не глупыми стишками о соловьях и розах.

У мачехи была причина желать ей сильного мужа – постыдная, как хорошо понимала Софи. Этой причиной была ее, Софи, слабость. Слабой ее считала королева, а за ней и весь двор.

Все детство Софи слышала у себя за спиной шепоток придворных и слуг, которые высмеивали ее мягкосердечие и робость. Это началось, когда отец женился на мачехе, и продолжалось, нарастая, по сей день. Ядовитые слова давно проникли в сердце Софи и дали там поросль, неистребимую, как кусты шиповника. Вот и сейчас, стоило Софи только подумать об этом, как у нее в ушах зазвучали слова: «Принцесса никогда не станет хорошей королевой... ей не хватает ума... силы характера...»

Развязной походкой к ней приблизился Хаакон. Он был старшим сыном короля Скандинавии, и мачеха склонялась в его пользу. Подойдя, он приветственно поднял кружку с элем, которую держал в руке.

– Прекрасная Артемида похитила мое сердце! Однако жестокая богиня не поспешила оставить взамен свое!

Родриго фыркнул:

– И кто в этом виноват?

– Я вяну. Я чахну. Я умираю от любви, – продолжал Хаакон, прижимая ладонь к сердцу. Отвлекаясь на миг, он склонился над столом, оторвал ножку цыпленка и тут же продолжил: – Мои страдания бесконечны. Подари мне свое сердце, холодная богиня, прерви мои мучения!

– Увы, это невозможно, сударь, – сверкнула глазками Софи, а ее голосок прозвучал так беззаботно весело, что никто и не заподозрил бы, как сильно ей хочется укрыться в тишине своих покоев.

– Почему, черт возьми? – спросил Хаакон, обглаживая ножку. – Такой красивый парень, как я... Да нет, не парень, а бог, скорее всего. Нет, точно. – Он нахмурился и почти сразу кивнул. – Я уверен. Я бог, и зовут меня... ммм... Аполлон! Да, вот кто я такой! – И он ткнул в Софи наполовину обглоданной ножкой. – Из нас выйдет отличная пара.

– Вообще-то, если вы помните классиков, а я уверена, что вы их не забыли... – начала Софи.

– Еще бы, такому ученому да не помнить, – вставил Родриго.

– То знаете клятву Артемиды: никогда не связывать себя узами брака. И даже если бы богиня нарушила свою клятву, то вряд ли бы сделала это ради Аполлона. Ведь он приходился ей родным братом.

Хаакон наморщил нос:

– Фу!

– Вот именно, – сказал Родриго.

Несмотря на усталость, Софи искренне рассмеялась. Да и кто устоял бы на ее месте? Хаакон был как солнце – могучее, яркое, оно притягивает к себе всех и удерживает на своей орбите. Да, он был заносчив и спесив, но при этом поразительно хорош собой, а за красоту людям прощают многое. Во всем дворце наверняка не было ни одной женщины, не влюбленной в принца Хаакона. Вот и Софи немножко влюбилась, хотя не хотела признаваться в этом даже себе.

Между тем во двор продолжали прибывать всадники. Скоро за ними последовали конюхи и собаки. Софи показалось, что она слышит голос фельдмаршала королевы, который и на охоте

не говорил, а рывкал, словно в бою. Хаакон и Родриго оглянулись и стали жестами подзывать кого-то из верховых. Пока они были заняты, Софи различила другой звук, настолько непохожий на гомон охотничьей компании, что его не перекрывали даже цокот лошадиных подков и громкий голос Хаакона. Это были шаги, торопливые, но шаркающие, словно человек приволакивал ногу.

– Том? – воскликнула она, обернувшись.

К ней бежал мальчуган. Он был малорослым для своих лет, застенчивым и неловким.

– Осторожно, Том! Не спеши так... – начала Софи, но не успела: Том зацепился носком башмака за выступающий камень, споткнулся и упал. Софи наклонилась к нему, чтобы помочь.

– Теленок неуклюжий, – услышала она чей-то голос.

– Топить таких надо при рождении. Разве не так поступают с щенятами, последними в помете?

Том тоже услышал, и его лицо сморщилось. Софи поняла, что жестокие слова причинили ему больше боли, чем ушиб. А женщины, с чьих уст они сорвались, – камеристки королевы, – смеясь, поспешили дальше.

– Не слушай их, – сказала Софи, стараясь утешить паренька. – Если хочешь узнать, что такое неуклюжесть, погляди на баронессу фон Арним, когда она танцует сарабанду. – Софи кивнула вслед одной из удалявшихся женщин. – Вот уж кто настоящая ослица на льду!

Том засмеялся, и Софи тоже улыбнулась, однако ее улыбка померкла, когда она увидела разбитые коленки мальчика.

– Тебе нельзя бегать, – побранила его она. – Сколько раз я говорила?

Том был похож на тех щенков, с которыми постоянно возился на псарне: несоразмерно длинные ноги и руки, большие ступни.

Мальчик отбросил со лба пряди волос, которые лезли ему в глаза.

– Как было не бежать, ваше высочество! Я должен вам сказать!

– Что сказать? – переспросила Софи.

– Герцогиня оценилась! – Герцогиней звали спаниеля, любимицу Софи.

– Не может быть! – ахнула Софи, и ее глаза радостно сверкнули.

– Ей-богу! Семерых принесла! И все здоровые, как на подбор, толстенькие, как сардельки, носы курносые, и лапки такие смешные, розовые! Идемте, посмотрим!

От возбуждения Том так забылся, что протянул принцессе руку. Софи тоже забылась и взяла ее.

– Ты что творишь? Никак, ты спятил, парень! – громыхнул вдруг чей-то голос. – Как ты смеешь трогать своими лапами принцессу!

Перед ними стоял фельдмаршал, тот, кому подчинялась армия королевы. Он шагнул к Тому, схватил его за плечо и так встряхнул, что у мальчишки клацнули зубы. А Софи поспешила убрать руку за спину: мол, я тут ни при чем.

Это был трусливый поступок, и внутри у Софи все сжалось от стыда. Она знала, что должна защитить Тома, объяснить фельдмаршалу, что они оба забылись. Но промолчала. В самом деле, водить дружбу с мальчишкой-псарем, играть со щенками – неподобающее занятие для будущей королевы. Истинные монархи держатся с подданными надменно и холодно. Мачеха наверняка рассердится, если услышит о ее промахе. Здесь, во дворе замка, не то что в лесу, на охоте, – от лишних глаз не убережешься. Хуже того, здесь главные охотники сами становятся добычей.

– Больше это не повторится, ваше высочество, – заверил фельдмаршал Софи, потом повернулся к Тому. – А ты знай свое место! – рывкнул он и, снова встряхнув мальчишку, удалился.

Том поднял глаза на Софи. В них проглядывали боль и смятение, и у Софи снова сжалось сердце.

– П-простите меня, ваше высочество. Я не... не хотел...
Слова Тома заглушил звук, от которого у Софи кровь застыла в жилах.
Тонкий, пронзительный вой.
Он раздавался прямо во дворе замка.

Глава 3

Гончая забила в угол.

Несчастная тварь скулила и прижималась к земле, стараясь стать маленькой и незаметной. Софи сразу ее узнала: та мелкая, нерешительная собачонка, которая не хотела бросаться на волка.

Королева уже вытянула ее хлыстом по спине и теперь указывала на нее.

– Никчемная тварь! – бросила она. – Убить ее!

Софи застыла на месте, пораженная ужасом. Зато на помощь собаке бросился Том.

– Нет! – вскрикнул он и загородил собой животное. – Прошу вас, ваше величество, не надо! Это хорошая собака!

Королева вихрем обернулась на крик, побелев от ярости. Ее глаза искали того, кто осмелился ей перечить.

– Что? Я должна терпеть, когда на меня кричит какой-то мальчишка с псарни? – спросила она, и костяшки ее пальцев, сжимавших рукоятку хлыста, побелели.

На крик королевы прибежал Алистер, главный псарь и отец Тома. Когда он увидел, что происходит, глаза у него полезли на лоб от ужаса. Только он успел схватить сына за шиворот и притянуть к себе, как в воздухе просвистел хлыст. Мальчика он не задел, зато раскровенил щеку самому Алистеру.

Не обращая внимания на боль и кровь, которая текла с лица, псарь вступился за сына.

– Он очень сожалеет о своей дерзости, ваше величество. И никогда больше не будет так поступать. Прошу вас, простите его. Проси прощения, Том...

– Но, папа...

– Проси прощения! – заорал на него Алистер. – Живо!

Он кричал на мальчика не потому, что был зол на него. Софи понимала: им руководил страх. Хлыст королевы оставил на щеке Алистера глубокую борозду, а ведь он взрослый мужчина. Что же сотворит удар такой силы с тщедушным ребенком?

– Я... я прошу прощения, ваше величество, – промямлил Том, глядя в землю.

– Займитесь собаками, вы оба, – приказала им королева.

Алистер отпустил Тома, вытащил из кармана платок, прижал его к щеке и подозвал к себе свору. Маленькая гончая осталась в углу – одинокая, беззащитная, отчаявшаяся. Она знала, что обречена.

– Идемте, я покажу вам мою новую породистую кобылу! – обратилась королева к благородным гостям.

Когда все направились к конюшням, Том снова подошел к Софи.

– Пожалуйста, сделайте так, чтобы ее не убивали. Прошу вас, моя госпожа, – дрожащим голосом взмолился он. – Ее зовут Зара. Она последыш в своем помете. Разве может такая малютка убить волка?

– Конечно нет, Том, – ответила Софи, наблюдая за королевой, которая уже входила в конюшни.

Жестокость мачехи до того поразила принцессу, что она не находила в себе сил двинуться с места. Мучительная тоска сдавила грудь, не давая девушке вздохнуть, но и она не могла победить зарождающийся гнев. Несправедливость поступка мачехи – вот что стало его причиной. Несправедливость и всеобщее безразличие, ведь все во дворе продолжали есть, пить и веселиться так, словно ровным счетом ничего не случилось.

«Нет, волка такой малышке, конечно, не убить, – подумала она, глядя вслед королеве. – Но перехитрить королеву, может быть, получится».

Том не двигался. Он так и стоял возле Софи, сжав кулаки.

- Иди помоги отцу, – обратилась к нему девушка.
Плечи парнишки поникли. Надежда покинула взгляд.
– Но, моя госпожа...
– Иди!

От страха у нее перехватило горло. Утром она уже совершила одну глупость – дала уйти волку, но то, что она собиралась сделать сейчас, граничило с безумием.

Едва Том ушел, Софи огляделась. Все были заняты едой. Фельдмаршал отдавал должное роскошному пирогу с олениной. Хаакон отщипывал кусочки от окорока. Родриго впился в сочный персик. Убедившись, что на нее никто не смотрит, Софи направилась в дальний угол двора, где лежала несчастная псина.

Набрав полную грудь воздуха, Софи собрала волю в кулак. Внутри у нее все дрожало, но она думала о Томе, который осмелился бросить вызов королеве, просить ее о том, чтобы она пощадила собаку. В отличие от нее, храбрость не была для него личиной, которую он то снимал, то надевал, в зависимости от обстоятельств. Нет, храбрость была его истинным лицом, и если несчастный мальчишка-псарь способен на такое, значит способна и она, принцесса крови.

- Ты Зара, да? Какая ты красotka, – зашептала она, приближаясь к собаке.

Услышав свое имя, собака встала и посмотрела на нее огромными молящими глазами.

– Тихо, девочка, тихо, – продолжила Софи. – Я тебя не обижу. И никто не обидит. Если, конечно, мы с тобой не будем мешкать и сделаем все быстро. – Просунув два пальца под ошейник, она потянула собаку за собой и, заслонив ее своей широкой юбкой, повела вдоль стены к выходу. – Ну давай, девочка, давай... Мы почти пришли...

От деревянных створок ворот их отделяло всего несколько шагов. Поспешно подведя Зару к выходу, Софи открыла задвижку.

– Беги! – шепнула она собаке, приоткрывая одну створку. – Дуй во всю прыть и не возвращайся!

Собака не заставила просить себя дважды. Софи смотрела, как сливочно-белый шар катится по полю и скрывается в лесу, и на сердце становилось легко. Она затворила ворота, повернулась к ним спиной и окинула взглядом двор. Охотники продолжали поглощать обильный завтрак, слуги едва успевали подносить новые блюда. Никто ничего не заметил. Софи перевела дух и пошла к себе. Пересекая двор, она прошла мимо Тома. Тот стоял посреди двора и медленно поворачивался вокруг себя, осматривая все углы.

– Отец велел привести Зару, – глухо сказал он. – Вы не видели, куда она пошла, ваше высочество?

Софи приняла огорченный вид.

– Та маленькая гончая? – переспросила она. – Мне очень жаль, Том, но она сбежала. Я открыла ворота и отвлеклась, совсем ненадолго, а она улизнула.

Том улыбнулся. Не только губами – всем лицом, даже телом. Софи подмигнула ему и пошла в свои покои.

И тут она увидела мачеху.

Королева стояла на пороге конюшни и в упор смотрела на падчерицу. Тонкие ледяные пальцы ужаса скользнули по спине принцессы. «И давно она там стоит? – подумала девушка. – Неужели она все видела?»

Молчание и неподвижность королевы заставили умолкнуть всех, кто был во дворе. В наступившей тишине прозвенел ее холодный голос.

– Трусость сродни чуме: она заразна. Один больной может заразить целый народ. Собака – та, которую я приказала убить, но которая, кажется, сбежала, – должна была броситься на волка по моему приказу. Что же случится в следующий раз, когда остальные псы решат последовать ее примеру и поступать так, как им хочется, а не так, как им приказали? Я скажу: тогда нападет волк, и ваша королева погибнет.

Ужас, сковавший Софи, сменился страхом. Но боялась она не за себя.

– Это я виновата в том, что собака сбежала, ваше величество. Я открыла ворота, – заговорила она поспешно.

– Ты – принцесса крови, наследница престола, а не помощница псаря, – отрезала королева. – Вина не на тебе, а на мальчишке. Он должен был привязать собаку, чтобы та не могла сбежать. – Умолкнув, она перевела взгляд на Тома. – Приказываю перебить всех собак на моей псарне на тот случай, если какая-то из них подхватила заразу трусости. А этого мальчишку, который покрывает трусливых сук и ценит их жизнь выше жизни королевы... его я приказываю отвести в казарму и дать ему десять плетей.

– Нет, – прошептал Том, качая головой. – Не надо. Пожалуйста. Простите... Я больше не буду!

У Софи перехватило дыхание. Ей хотелось закричать на мачеху, упасть ей в ноги и упрашивать об отмене наказания, но принцесса понимала, что ничего такого не сделает. Поэтому она, опустив руки, неподвижно смотрела, как Том попятился, зацепился башмаком за камень и снова упал.

– Папа! Папа! – закричал он, протягивая руки к отцу.

Алистер шагнул к сыну, но у него на пути встал капитан дворцовой стражи. Псарь повернулся к королеве, чтобы умолять ее пощадить его ребенка, но та уже ушла.

Софи понимала, что затеяла королева. Она желала преподать урок. Не мальчишке: это был лишь предлог. Нет, урок предназначался всем благородным охотникам, дамам и кавалерам, и суть его заключалась вот в чем: трусость опасна и наказуема, а непослушание – вдвойне.

А еще она хотела преподать урок Софи.

Тот же, что и всегда: нет ничего вреднее доброты.

Глава 4

Королева стояла перед зеркалом в своих покоях.

В его серебряной глади отражалась высокая, стройная женщина с глазами синими, как бурное море, светлыми волосами и высокими скулами. Звали ее Аделаида.

«Когда-то она была прекрасна, как утренняя заря, но время ее не пощадило», – обычно говорят те, кто берется рассказывать эту сказку. Или так: «Время оставило „гусиные лапки” в уголках ее глаз и провело глубокие морщины на лбу».

А теперь скажи мне: есть ли на свете хоть одна сказка, которая начинается с описания морщин короля?

Так почему никто никогда не упоминает об остром уме этой королевы? О том, как она была смела и сильна духом?

Каменный пол леденил босые ступни, промозглый воздух холодил кожу. Дрожь прошла по телу, ведь она только что приняла ванну и даже не вытерлась как следует, а тонкая сорочка не давала никакого тепла. Но королева, казалось, ничего не замечала. Лихорадочно блестя глазами, она смотрела в зеркало так, словно что-то искала в его глубинах.

Что именно она там высматривала, не знал никто. Хотя догадки строили многие.

Вошла фрейлина с белым атласным платьем в руках и через голову опустила его на плечи королевы. Другая туго зашнуровала ее корсаж. Еще две внесли золотистую мантию, покрытую дюжинами бриллиантов чистейшей воды.

– Тяжелая, как доспех, – заметила леди Беатриса, старшая фрейлина, опуская драгоценное одеяние на плечи повелительницы.

– Это и есть доспех, – ответила та. – Через час я встречаюсь с посланцем Хинтерландии для переговоров о спорных территориях на севере. Это коварный старый змей, как и его хозяин.

Когда Беатриса вышла из комнаты, чтобы принести королеве туфли, Элизабетта, младшая из прислужниц, робко шагнула вперед.

– Вы такая красивая, ваше величество, – сказала она.

Несчастная совершила непоправимую ошибку. И сразу поняла это.

Лицо королевы помертвело от гнева. Она прекрасно знала, что говорят о ней враги. Что она завистлива и тщеславна. Что ее волнует только собственное отражение в зеркале. Она жестом велела Элизабетте подойти ближе.

– Думаешь, я покрываю себя сверкающими камнями из тщеславия? – спросила она. – Думаешь, меня волнует только собственное отражение, когда враги рыщут у границ моего королевства?

Элизабетта нервно сглотнула, бросила взгляд налево, направо, надеясь найти в ком-нибудь хоть чуточку сочувствия, но все, кто был в комнате, – от самой высокородной дамы до последней камеристки – опустили глаза.

– Я... я думаю... нет, конечно же нет, – залепетала фрейлина. – Вообще-то, я так совсем не думаю...

– Понятно, – оборвала ее королева.

Она шагнула к окну и подняла руки. Лучи света, врываясь в окно, отразились в бриллиантах мантии, и крохотные призмы тут же разложили свет на составляющие, окутав королеву облаком радужного сияния.

– Эти бриллианты нужны мне для того, чтобы предотвратить войну, – сказала она. – Увидев меня, посол наверняка решит, что, раз я осыпаю себя драгоценностями, словно конфетти, мне ничего не стоит усеять море военными кораблями. Лучший способ выиграть войну – не начинать ее.

Элизабетта потупила глаза и молча кивнула.

Королева опустила руки, взглянула на позолоченный циферблат стенных часов и нетерпеливо бросила:

– Где она? Почему ее до сих пор нет? Я велела ей явиться еще полчаса назад.

– Она здесь, ваше величество, – сказала Беатриса, внося пару шелковых туфель. – Ожидает в приемной.

С этими словами фрейлина поставила туфли перед королевой, и та вступила в них. Затем, схватив со столика клочок чего-то серого, стремительно вышла из комнаты, звонко цокая каблуками по каменным плитам.

Принцесса стояла у окна в приемной королевы и ждала, вертя кольцо на пальце левой руки. Золотой ободок с единорогом в овале, обрамленном мелкими бриллиантами, назывался Кольцом Власти, и не зря: монархи Грюнланда передавали его своим наследникам из поколения в поколение.

По мнению королевы, на свете не было человека, менее подходящего для этой роли, чем принцесса София. Подойдя к ней, королева взяла ее за руку, разжала пальцы и опустила в ладонь девушки клочок серого меха.

– Волчья шерсть, – сказала она. – Снята с куста шиповника. Волк не совершал смертельного прыжка, правда?

Софи смотрела на шерсть и молчала.

Взяв девушку за подбородок, королева развернула ее к себе лицом.

– Ты дала ему уйти, – сказала она.

– Да.

– Зачем?

Глаза Софи, влажные от подступивших слез, с мольбой смотрели на мачеху.

– Я... Мне стало его жаль. Ему было так страшно.

Королева, презрительно фыркнув, выпустила подбородок падчерицы.

– Охота была затеяна, чтобы ты могла показать свою силу, а не слабость. – (Софи снова уткнулась взглядом в пол.) – Ты проявляешь мягкость там, где нужна жесткость, милуешь, когда следует карать. Ты отпускаешь на свободу волков, ты покровительствуешь трусам и дворовым мальчишкам.

– Десять плетей убьют его, – вставила Софи еле слышно.

– Никто еще не умирал от десяти ударов. Но даже если умрет, что с того? – перебила ее королева. – Этот мальчишка, его отец... Они никто. Только монархи что-то значат. Как ты не понимаешь? – Она протянула к падчерице руки, ладонями кверху. – На моей левой ладони – жизнь этого мальчишки, слабака, который, скорее всего, никогда не станет мужчиной. На правой – жизнь королевы... правительницы, на которую возложена забота не об одном подданном, а о целом королевстве. – Она опустила левую руку, а правую подняла вверх. – Что такое жизнь одного мальчишки в сравнении с жизнью королевы? – Вопрос еще висел в воздухе, а королева уже опустила руки и задала другой: – Какой пример мы подаем подданным, если позволяем ослушникам избегать наказания?

Софи пришлось собрать все силы, чтобы встретить испепеляющий взгляд мачехи.

– Гончей тоже было страшно. Разве это плохо – проявить милосердие к тому, кто испугался? – спросила она.

Королева рассмеялась в ответ. Ее смех был безрадостным и сухим, будто долго лежал в пыльной кладовке.

– Милосердие – другое название для слабости. Сохрани волку жизнь – и он отплатит тебе, вырвав у тебя горло. Страх – вот что гарантирует безопасность королевы. Люди подчиняются мне, потому что боятся меня.

– Люди подчинялись моему отцу, потому что любили его.

Слова сами слетели с языка Софи, и она тут же пожалела о сказанном. Мачеха терпеть не могла разговоров о покойном супруге, которого народ действительно боготворил.

– Твой отец мог позволить себе такую роскошь. Он был мужчиной, и его любили уже за это, – резко ответила она. – И никто, даже злейшие враги, никогда не подвергал сомнению его право занимать трон. Мне повезло меньше, я женщина. Та же участь ждет и тебя. Народ должен чувствовать твердую руку, иначе он распустится. Я была регентшей шесть лет, со дня смерти твоего отца. Завтра состоится твоя коронация, и ты взойдешь на трон. Как ты будешь править целой страной, Софи, не умея управлять даже собой?

Не успела принцесса раскрыть рот, как во дворе раздался барабанный бой, мрачный, как на похоронах.

– Ага, капитан гвардии, кажется, взялся за исполнение моего приказа. – Королева распахнула окно и стала смотреть вниз, во двор, через минуту она повернулась к Софи. – Хочешь взглянуть?

Девушка замотала головой. В ее глазах стояли слезы.

– Нет? Так я и думала. Это ведь так тяжело, так больно, да? Но в этом вся суть власти – править тяжело и больно. Приходится принимать непростые решения и выносить жестокие приговоры, чтобы держать подданных в повиновении, а врагов – на почтительном расстоянии. – Королева указала на падчерицу пальцем. – Это из-за тебя сейчас выпорют мальчишку и убьют собак. Если бы ты не отпустила ту трусливую суку, ничего этого не случилось бы. Теперь ты понимаешь, к каким тяжелым последствиям приводят добрые поступки?

Софи не могла говорить. Слезы все-таки потекли из ее глаз. Она поспешила вытереть их тыльной стороной ладони.

Королева поцокала языком:

– Тебе повезло, что у тебя есть я. С моей помощью ты сможешь править страной до тех пор, пока не найдешь себе мужа. – Она ткнула падчерицу в ребра длинным, остро заточенным ногтем. – Эта штука у тебя внутри... твое глупое, мягкое сердце. Оно доведет тебя до беды, попомни мои слова. Пока не поздно, запри его в надежную шкатулку и поставь ее на самую высокую полку, а ключ выброси.

– Я могу идти? – тихо спросила несчастная Софи, которой больше всего хотелось убежать подальше, туда, где не слышно мрачной барабанной дробы.

– Нет, я еще не все сказала. Сегодня вечером, как тебе известно, будет бал. Так вот, я не хочу видеть заплаканных глаз и красных пятен на лице. Тебе сшили сногшибательное платье, к которому подойдут лучшие драгоценности из королевской сокровищницы. Ты молода и красива. Воспользуйся этими преимуществами, чтобы королевство получило достойного короля. Ведь сегодня ты снова показала мне, что без правителя-мужчины ему не обойтись.

Софи, сдерживаясь из последних сил, чтобы не заплакать, кивнула и бросилась вон из комнаты. Аделаида смотрела падчерице вслед. Барабанный бой за окном прервался. Капитан гвардии выкрикнул приказ. Королева знала, что сейчас будет. Она могла закрыть окно, но не стала. Неподвижно стоя у открытого окна, она молча слушала мерные удары кнута и ни разу не моргнула. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

И если тень сострадания затмила на миг ее синие глаза... какое это имело значение?

Ведь рядом никого не было.

Глава 5

В Темном Лесу есть болота, предательские и глубокие. Один неверный шаг – и человек ушел вниз с головой.

Немудрено, что люди обходят их стороной, но мне они известны не понаслышке: я не раз преследовал оленей в таких местах. Часто охота затягивалась, возвращаться приходилось после заката, и я видел свет одинокого фонаря – кто-то бродил в непроглядной тьме, окутавшей болота, словно саван. И всегда через пару дней проходил слух о том, что кто-то опять пропал без вести – то муж, слишком щедрый на тумачи, то любовница, которая вообразила себя главнее жены, то скряга, который припрятал под половицами кошель с золотом.

Ни одного мертвого тела не нашли. Ни одного суда не состоялось. Виновные безнаказанными сходили в сухие могилы на кладбище у церкви. Время шло. Люди забывали.

Но болота помнили.

Годы, десятки, а то и сотни лет хранили они своих мертвецов, но тем не лежалось в трясине, и в конце концов черная жижа все же отдавала их старые, обглоданные кости.

То же бывает и с правдой.

Зарой ее глубоко в землю, утопи в болоте и надейся, что там она и сгниет.

Не тут-то было – в один прекрасный день она выплывет наружу.

Грязная, в жутких лохмотьях, разящих смертью, она приковыляет к твоему дому и постучится в дверь.

На счету Аделаиды было немало преступлений. С властителями всегда так. Король отрубает голову жене, которая рождает ему только дочерей. Герцог подсыпает яд в вино мятежному графу. Епископ отправляет на костер человека за то, что его Бог говорит по-английски, а не на латыни. Правда, учебники истории называют все это не убийствами, а казнями. Совершенными во имя мира. Неприятными, но полезными деяниями.

Однако во времена Аделаиды – может, и в ваше время тоже – было одно преступление, для которого не находилось оправданий. Такое омерзительное, что короли, наследные принцы и папы не могли простить его...

Преступницей становилась женщина, надевшая корону.

Зеркало, зеркало на стене, кто прекрасней всех в стране?

Теперь тебе понятно, кто главный злодей нашей сказки? Ты уже видишь его лицо?

Ну ничего. Еще увидишь. Он совсем близко.

Глава 6

– Вольта! Вольта! – потребовал чей-то громкий голос, едва стихли звуки гальярды.

Танцоры постарше возмущенно заохали. Но их протесты заглушили громкий смех, свист и даже пара презрительных выкриков со стороны молодых.

Если гальярда считалась при дворе рискованным танцем, то на вольту смотрели как на вопиющее нарушение приличий. Танец представлял собой прекрасно поставленную дуэль желаний. Один партнер наступал, второй уклонялся. Один подходил совсем близко, второй отворачивался. Каждый взгляд провоцировал; каждая улыбка подстегивала.

Зазвучали первые заманчивые такты. Каждый танцор торопливо подыскивал себе пару. Тысячи свечей горели в люстрах, отбрасывая на лица гостей дрожащие тени; искрились шелковые платья и атласные камзолы. Каскады драгоценностей струились по напудренным полуобнаженным грудям. Жемчужины, крупные, как вишни, оттягивали уши. Перстни с большими камнями облепляли пальцы, как ракушки – днище морского корабля.

Покинув танцоров, принцесса отошла к столам с едой и напитками и взяла бокал с пуншем. Она так запыхалась, веселясь и танцуя ночь напролет ради одобрения мачехи, что теперь ей стоило большого труда сдержаться и не выпить все залпом. Платье цвета спелой сливы выгодно оттеняло черноту волос и зелень глаз. Лицо горело румянцем.

Она много смеялась: заливисто, соблазнительно, мелодично. Запрокидывала голову, поднося украшенную камнями руку к горлу. А еще болтала. С кем угодно. О чем угодно. Да хоть ни о чем. О мальчишках, сапогах, пирогах, платьях... Не важно. Главное – говорить больше и смеяться громче, и тогда, может быть, удастся заглушить тот звон, который издают, соприкасаясь, осколки ее разбитого сердца.

Маленький мальчик подвергнут жестокой порке. Ни в чем не повинные собаки убиты. Стоило вспомнить о Томе и его любимых питомцах, как ей начинало казаться, будто каждый осколок норовит вылезти из груди, прорезав острыми краями плоть и пустив ей кровь.

Поэтому принцесса старалась не думать о них. Вот и сейчас она прогнала от себя мысль о Томе, поставила на стол бокал и щелчком пальцев приказала мальчику-слуге наполнить его снова – точно так поступила бы мачеха. И не важно, что бал несколько ее не веселил, – важно было казаться радостной и веселой.

К ней подошел Родриго и начал высмеивать Хаакона. Она расхохоталась и тоже стала придумывать шутки. Хуссейн, сын султана Азира, поднес ей розу и пригласил на танец. Она отказала, насмешливо заявив, что согласится лишь в обмен на две дюжины. Александр, герцог Хинтерландии, поднес ей конфету; она скормила ее своему спаниелю.

Вернулся мальчик-слуга с пуншем, но не успела она протянуть руку, как строгий голос за ее спиной произнес:

– Принцесса Шарлотта-Сидония Вильгельмина София, будущая повелительница Грюн-ланда! Пунш – детский напиток.

Софи обернулась. Перед ней стоял Хаакон и улыбался. На нем был темно-зеленый бархатный камзол, длинные пряди светлых волос лежали на плечах. От его красоты у Софи с первого же взгляда перехватило дыхание.

– Попробуйте лучше вот это, – продолжил он и вложил ей в руку бокал с шампанским.

– Благодарю вас, мой господин, но это не для меня, – сказала Софи, возвращая бокал. – От шампанского у меня кружится голова. Оно – моя погибель.

Но Хаакон отказался забирать бокал.

– Ну, тогда я тоже не для вас, – заявил он, причем очень громко. – Ведь от меня у вас кружится не только голова, но и сердце. – Он потянул за узелок серебристого шнура, который удерживал ее корсаж. – И тогда вас точно ждет погибель.

Вокруг изумленно заахали. Софи моргнула, озадаченная таким нахальством. «Ну, это уже чересчур, – подумала она. – Даже для Хаакона». Но выхода нет, придется подыграть ему и в этом. Все взгляды обращены сейчас к ней: мачеха, придворные смотрят... Ждут представления. Или состязания. Что ж, они его получают. Ведь если она уступит сейчас своей застенчивости, зальется краской стыда и спрячется в углу, ей не миновать очередного разноса от мачехи.

– Но, чтобы кого-то получить, разве не следует сначала кого-то захотеть, мой господин? А кто вам сказал, что я хочу вас больше шампанского? – выпалила она.

Раздались новые охи и ахи.

Хаакон притворился оскорбленным и со стуком поставил свой бокал на стол:

– Гордячка-принцесса, ты ответила отказом на мое признание! Твои слова – кинжал мне в сердце!

Софи приподняла одну бровь:

– О! Так оно у вас есть? А я слышала совсем другое.

– От кого же? Покажите мне этого негодяя, и я... – Хаакон быстро огляделся, схватил что-то со стола и сделал взмах в воздухе, точно пронзал чью-то грудь. – Я его заколю!

Софи расхохоталась, на этот раз искренне:

– Чем? Маринованным огурцом?

Но принц продолжал кричать:

– Скажите мне, кто называл меня бессердечным?

– Каждая девушка в этом королевстве, ваше высочество. Ведь вы не пропустили ни одной. Всех обольстили, собрали сердца и скрылись.

– Вы нанесли мне смертельный удар, милая дама!

Хаакон театрально пошатнулся, отступил на шаг и рухнул на пол, разбросав руки.

Софи закатила глаза. Ну все, с нее хватит! Легкий флирт превратился в грубый фарс, подыгрывать которому не было ни желания, ни сил. Склонившись над принцем и стараясь не облить его шампанским из бокала, который все еще был у нее в руках, она негромко сказала:

– Вставайте же, Хаакон. Вы устраиваете скандал.

Хаакон открыл глаза:

– Потанцуйте со мной. Иначе скандал разрастется.

– Нет.

Хаакон испустил долгий, протяжный вопль.

– Беспечная жестокость прекрасной дамы пронзила мою грудь! – завопил он.

– Прекратите немедленно! – зашипела на него Софи.

Он протянул ей руку:

– Только ее доброта вернет меня к жизни.

Софи немного смягчилась. Залпом осушив бокал, она поставила его на стол и протянула принцу руку. «Всего один танец, – пообещала она себе. – А потом я отыщу тихий, темный уголок и спрячусь». Отшвырнув огурец, Хаакон схватил протянутую ему руку и одним прыжком оказался на ногах. Все смеялись и аплодировали. Не обращая внимания на полные намеков взгляды, принц торжественно повел Софи танцевать.

Вольта уже началась. Барабаны громко и настойчиво выбивали призывный ритм. Танцоры крутились сначала в одну сторону, потом в другую, а когда музыканты ударили в тамбурины, женщины подскакивали высоко в воздух, и тогда мужчины подхватывали их на руки и кружили. Из-за громких вскриков и взрывов смеха не было слышно ничего, кроме барабанов. Развевались юбки. Сыпались на пол выпавшие из причесок шпильки. В центре зала танец уже переходил в давку.

Именно туда Хаакон и потащил Софи.

Темп становился все быстрее. Танцоры с бешеной скоростью вертелись друг возле друга. Софи почувствовала, как пол уходит из-под ног: шампанское все же ударило ей в голову. Придется следить, чтобы не запутаться в своих ногах и не отдавить ноги партнеру.

И тут он прижал ее к себе, да так, что у нее перехватило дыхание. Оба понеслись по кругу, потом Софи прыгнула, а Хаакон поймал ее и поднял высоко в воздух. Ей показалось, что она летит. Голова кружилась, каблуки стучали, барабаны убыстряли ритм – неудивительно, что Софи обо всем забыла. Близость Хаакона, его запах, его теплое дыхание на ее щеке – все это вызывало в ней восторг. Рука, сжимавшая ее талию, казалась ей огненным обручем.

И вдруг все закончилось. Музыка оборвалась, танцоры, покрасневшиеся и возбужденные, захлопали в ладоши и стали расходиться.

Хаакон наклонился вперед, оперев руки в колени и часто дыша, потом посмотрел на Софи и сказал:

– Давайте убежим вместе.

От такой прямолинейности Софи залилась краской, но тут же постаралась прикрыть смущение притворством.

– Не смешите меня, – ответила она так небрежно, как будто красивые парни делали ей подобные предложения каждый день.

– Я серьезен, как никогда. Либо мы убегаем прямо сейчас, либо следующий танец вам придется отдать Барсу.

– Барсу? – повторила потрясенная Софи. Барсом звали мрачного юношу, сына графа из какой-то провинции. У него была привычка ковырять в носу и учить гнусным словечкам маленьких детей. – Но он же не танцует.

– Видимо, танцует. Нет, не смотрите сейчас, лучше...

Но Софи уже вытянула шею и увидела, что тот, о ком они говорят, направляется прямо к ней. Лицо Барса искажала гримаса. Видимо, она сходила у него за улыбку.

– О нет! – в ужасе прошептала Софи.

– Я вам говорю, не смотрите.

– А что же мне делать?

– Бежать.

– Но как? – спросила Софи.

Они стояли среди толпы. В Большом зале было два выхода. Барс, прокладывая путь к принцессе, лишал ее возможности воспользоваться одним из них. От второго ее отрезал огромный обеденный стол в форме подковы.

Хаакон наклонился к ее уху и зашептал:

– Я спасу вас, если вы мне позволите. Я же принц. Спасать – моя работа.

Софи снова оглянулась:

– Поздно. Дракон уже здесь.

– Доверьтесь мне, Софи. Ну же? – настаивал Хаакон, беря ее за руку.

Софи взглянула ему в глаза.

– Ни за что! – ответила она.

Хаакон крепче сжал ее ладонь.

Ухмыльнулся.

И они побежали.

Глава 7

Софи ожидала, что Хаакон потащит ее танцевать гавот со своими друзьями. Или подведет к большой серебряной чаше для пунша – она зачерпнет прохладного напитка и притворится усталой, если Барс все же доберется до них.

Чего она совсем не ожидала, так это что они окажутся под обеденным столом.

– За мной! – скомандовал Хаакон, отодвигая стул, и нырнул под камчатную скатерть.

Софи замешкалась, но тут из-под скатерти высунулась рука, схватила ее и втащила под стол.

– Ты с ума сошел? Что ты делаешь? – возмутилась она.

– Спасая принцессу из драконьего логова. Вперед!

И он на четвереньках пополз к дальнему концу стола. Софи последовала за ним. Ей было тяжело из-за нижних юбок, но она справилась, собрав их и перекинув за спину.

На ее счастье, за столом почти не осталось гостей, все отправились танцевать. Проползая стол насквозь, Хаакон приподнял скатерть.

– Вот, – сказал он, показывая на каменную арку двери. – Путь к отступлению.

С этими словами он выскочил из-под стола и потянул за собой Софи. Их появление так напугало девушку-служанку, что та чуть не рассыпала пирожные, которые несла на подносе. Хаакон схватил два, и они с принцессой выскочили в длинный коридор. Там он прижал Софи к стене и поднес к ее глазам украденное пирожное.

– Волшебное, – прошептал он. – Тот, кто его съест, станет невидимым для драконов.

– Ты сумасшедший, – ответила Софи, улыбаясь.

Хаакон закинул пирожное себе в рот.

– Вкусно! – Принц положил на ладонь второе, и Софи поняла, что он собирается скоромить его ей.

Он дразнил ее: подносил лакомство к ее губам, но отдергивал, как только она пыталась откусить кусочек, и притворялся, будто готов съесть его сам.

– Ага. Я поняла твою затею, мой храбрый спаситель, – лукаво сказала Софи. – Ты съешь оба пирожных и станешь невидимым, а дракон съест меня.

– Да, признаюсь, выбор непростой. Ты, конечно, очень милая и все такое, но это пирожное...

– Хаакон!

Наконец он позволил ей откусить один раз. Потом другой. Софи почувствовала, как внутри теплеет, как у нее перехватывает дыхание. А затем он неловко уронил кусочек сладкой глазури ей на подбородок.

– Извини, – сказал Хаакон, смахнул его большим пальцем и слизнул, пристально глядя на нее.

Утонув в синева его глаз, Софи почувствовала, как в груди поднимается тепло, и поспешно отвела взгляд. Жар потек по ее телу, она готова была смотреть куда угодно – на стену, на пол, на пирожное, только не на Хаакона.

Он опять схватил ее за руку.

– Идем, – сказал он. – Дракон скоро будет здесь.

Они добежали до конца коридора, свернули в соседний и вдруг выскочили на балкон. Внизу раскинулся королевский сад. Стебли роз с пышными желтовато-белыми цветками увидали балкон с одной стороны.

Положив руки на перила, Хаакон наклонился над ними и, глядя на сад, сказал:

– Ну вот мы и спаслись. Сюда Барс не придет. Слишком далеко от чаши с пуншем.

Софи тоже подошла к перилам.

– Вы так смелы, мой добрый рыцарь. Благодарю за то, что спасли меня.

Хаакон улыбнулся, но не как всегда – самоуверенно и во весь рот. Нет, его улыбка была едва заметной и какой-то задумчивой. Он долго не отвечал на слова Софи, глядя прямо перед собой. И вдруг, точно опомнившись, выпалил:

– А знаешь, я ведь мог бы. Точнее, могу. И даже хочу.

– Ты о чем? – переспросила озадаченная Софи.

– О тебе. Я могу спасти тебя от Барса. От королевы. От всего, что случилось сегодня утром. – Он сделал паузу и посмотрел ей в глаза. – И от тебя самой.

Софи слегка наклонила голову набок:

– Как это – от меня самой?

Хаакон отвел глаза. Выпрямившись, он сорвал с благоуханного куста розу и свернул стебелек в кольцо. Но роза отцветала, и лепестки посыпались, словно конфетти. Принц со вздохом бросил ее через перила и проследил, как она падает.

«Почему он ведет себя так странно?» – думала Софи.

И вдруг она поняла: никакая это не странность, просто он волнуется. Красивый, уверенный в себе Хаакон, который вечно всех поддразнивает и смешит, притягивает к себе все взгляды, стоит ему войти в комнату, взволнован.

– Хаакон... – окликнула она. – Что ты хочешь мне сказать?

Он молча взял ее руки и повернул их ладонями вверх. Тонкие красные полумесяцы, оставленные ее ногтями, давно перестали кровоточить, но не прошли.

Посмотрев на них, Хаакон покачал головой:

– Тебе бы в актрисы пойти. Ты играла весь вечер. Да и весь день тоже. – Он снова посмотрел ей в глаза. – Ты очень стараешься скрыть от всех свое нежное сердце, Софи, но это не в твоих силах. Ты не королева, Софи. Повелевать другими не в твоей натуре.

Софи выдернула свои ладони из рук Хаакона. Ее глаза вспыхнули гневом.

– О чем ты? Грюнланд – мой дом. Я хочу править своим королевством. И буду!

– Вот как? Но хватит ли у тебя сил? Сможешь ли ты делать все то, что сейчас делает Аделаида? Командовать войсками? Ловить шпионов? Посылать на смерть предателей?

– А заодно убивать собак и пороть детей? – с горечью добавила Софи.

Шампанское еще шумело в голове, придавая ей смелости.

Хаакон помешкал. Ее глаза, всегда искрившиеся насмешкой, были темными и неподвижными, как воды зимнего озера.

– Тот мальчик... – начал он.

– Том.

– Я заходил в дом его родителей. Перед балом. Отнес им лекарства. Настойку для смягчения боли. Мазь для заживления ран. Чистое полотно для повязок.

– Правда? – переспросила Софи, не веря своим ушам. Такого она не ожидала.

– Ему очень плохо. Каждый вдох причиняет ему боль. Он бредит. Не узнает даже мать.

Слова Хаакона глубоко ранили Софи. Ей была невыносима сама мысль о страданиях доброго, славного малыша Тома.

– Хватит. Пожалуйста, Хаакон. Ни слова больше, – взмолилась она.

– Зато он никогда больше не поступит так, как не надо поступать. Ему и в голову не придет повышать голос на королеву, перечить ее желаниям. Он сделает все, что ему прикажут, быстро и без возражений. Как ему и положено. И так же будут поступать все придворные Аделаиды, ее генералы и ее главнокомандующий. Как им положено.

Софи грустно усмехнулась:

– Том никогда больше не поступит так, как надо. Никогда не встанет на защиту невинного.

Хаакон сорвал вторую розу и начал крутить в пальцах стебелек.

– Ты, конечно, будешь править иначе. Милосердно и справедливо...

– Да, именно.

– Все это мечты, Софи. Такие правители встречаются лишь в сказках. Ты ведь не ждешь, что встретишь в настоящей жизни королеву фей или семерых гномов.

Наконец Хаакон справился со стебельком, свернув его в кольцо. Взяв руку Софи, он надел импровизированное колечко ей на безымянный палец, поверх Кольца Власти.

– Выходи за меня, Софи, – сказал он. – Ты будешь королевой, а я – твоим королем.

Софи посмотрела на него сердито. Нет, это все-таки слишком нагло. Почти жестоко.

– Есть вещи, с которыми не стоит шутить, Хаакон, даже тебе, – произнесла она резко и собралась сдернуть кольцо, но Хаакон не дал этого сделать – перехватил ее руку, поднес к губам и поцеловал.

– Я серьезен, как никогда, – сказал он. – Грязная, неприятная работа будет на мне. Я буду защищать тебя. И наш народ. А тебе останется светлая половина – ты будешь творить добро. Раздавать милостыню бедным. Посещать сиротские приюты. Воспитывать наших с тобой детей. А править – это жестокое дело, ты рождена не для него.

Сердце Софи затрепетало, словно у нее в груди забила крылышками маленькая птичка. Она знала, что королевские браки – это вопрос политики, а не любви. И все же она влюбилась в Хаакона. Она упивалась им, как можно упиваться статью коня и мощью урагана, полнотой тьмой и высотой гор, всем прекрасным, непредсказуемым и опасным. В самой глубине своего нежного глупенького сердца она лелеяла надежду, что и он испытывает к ней такие же чувства.

Софи посмотрела ему в глаза.

– Так ты... любишь меня? – спросила она.

Хаакон ответил поцелуем: взял в ладони голову принцессы и накрыл ее рот своим. У его соблазнительных губ был горьковато-сладкий вкус шоколада и шампанского. От него пахло роскошью – шелком и кожей, амбициями и амброй.

Сердце Софи стучало теперь в ее и в его ребра. Она перестала дышать. Перестала думать. Быть. Вместо нее теперь был Хаакон, его тепло, его прикосновение. Блестящий юный красавец затмил для нее весь мир, в его объятиях она словно перетекала в него: так лед, растопленный лучами солнца, возносится к нему, став невидимым водяным паром.

Но вот долгий поцелуй прервался, и Хаакон прижался лбом к ее лбу.

Трепещущая, почти бездыханная, Софи пролепетала:

– Мачеха всегда говорит, что любовь – это просто сказка. И что я должна запереть свое сердце в шкатулку и убрать ее подальше. Она говорит...

Хаакон поцеловал ее снова. Глубоко. Медленно.

– Глупышка, – произнес он. – Я полюбил тебя, как только увидел. Запри свое сердце в шкатулку и отдай мне. Я сохраню его в целости, обещаю. Навсегда. Ты выйдешь за меня, Софи?

Мысли Софи разбегались в разные стороны. «Что мне делать?» – лихорадочно спрашивала она себя. Никаких причин отказать принцу не было. Мачеха будет в восторге от ее выбора; сама она целиком и полностью на его стороне. И что важнее всего, Хаакон ее любит. Он сам только что ей сказал. А она любит его. То есть, наверное, любит, ведь не зря ей так хочется еще и еще целовать его восхитительный рот. И он прав на ее счет. И мачеха тоже права. И все придворные, аристократы и министры, которые насмехались над ней, твердили, что она слишком слаба для королевы, что она позволяет руководить собой сердцу, а не уму, – они тоже правы. Пусть правит Хаакон. Надо отдать свое сердце ему – такому сильному, способному, такому... мужественному. Он ведь пообещал, что сохранит его. И не допустит, чтобы оно опять рвалось от боли, как сегодня, когда ей было так жалко всех – Тома, маленькую гончую, волка.

– Софи, это пытка, – прервал ее размышления Хаакон. – Быть так близко от тебя и не знать, моя ты или нет. Откажи мне, если хочешь, только скажи...

– Да, – промолвила Софи решительно. – Да, я выйду за тебя, Хаакон.

Хаакон улыбнулся. Его губы снова нашли ее рот. Поцелуй был сладким и тягучим, как мед.

– Завтра, – прошептал он. – Завтра мы обо всем расскажем королеве.

Софи кивнула. У нее закружилась голова – от шампанского, от поцелуев, от теплого, восхитительного чувства, которое вызывали объятия Хаакона.

Они постояли на балконе еще немного, потом часы на башне пробили десять, и Хаакон сказал, что пора возвращаться к гостям, пока королева не отправила людей на их поиски.

Софи танцевала всю ночь. Ее глаза сверкали, шаги были легки, а сердце радостно трепетало, стоило только подумать об их тайне.

И лишь много позже, когда бал закончился и она поднялась к себе в покои, где камеристки ее раздели, расчесали ей волосы и облачили в льняную сорочку, Софи кое-что вспомнила.

Хаакон ни разу не спросил, любит ли она его.

Глава 8

Это было сразу после полуночи, в те ранние – а может, и поздние – часы, которые камнем повисают на душе.

Блестящий бал закончился. Тишина и темнота сковали дворец. И гости, и хозяева спали. Все, кроме королевы.

Укутавшись в подбитую мехом мантию, распустив светлые волосы, она стояла перед зеркалом – одна в своих покоях.

Под ее взглядом рябь прошла по серебристой поверхности зеркала, которая задрожала и изменилась. Теперь королева видела не себя, а других людей.

Сначала своих фрейлин – Беатрису, Элизабетту и Анну. Покинув ее покои, они спешили прочь по длинному коридору. Одна несла продырявленное платье портнихе, другая – разорванное ожерелье ювелиру. Третья с корзинкой в руке спешила в сад, чтобы срезать свежие розы для королевских покоев.

Аделаида знала: они несут не только то, что показывает ей зеркало. В кармане платья, в коробочке с ожерельем, в корзинке для цветов лежат записки. В них есть все, что она, королева, сказала сегодня принцессе, и эти клочки бумаги наверняка будут проданы послам разных держав за сходную цену – безделушку или отрез дорогих кружев. Завтра к Софии перейдет корона, но, увы, не государственные заботы. Они останутся уделом Аделаиды, ведь принцесса пока еще не в силах даже собаку приструнить, где уж ей справиться с предателями.

– Сегодня утром я ездила на охоту, – обратилась она к зеркалу. – И поймала волчицу. Правда, двуногую...

Рябь снова пробежала по поверхности зеркала. Теперь в нем отразилась дама – изящная, в прекрасном платье, верхом на белой кобыле.

– Герцогиня Нидергеймская, вот именно, – подтвердила королева. – Изворотливая, как ласка, вонючая, как хорек. Чаше меняет союзников, чем белье. Видишь ее рубиновую брошь? Новая. Причем такой великолепный рубин наверняка стоит целого состояния, а откуда оно взялось, если герцог давным-давно промотал свое? Чем она заплатила? – Устремленный на серебристую поверхность взгляд королевы стал жестким. – Шпионила, конечно... Вот только для кого?

Зеркало, моргнув, показало другого человека, на этот раз мужчину – его белые одежды развевались, пальцы, запястья и шея были усыпаны драгоценностями. Затем второго, на троне из яшмы, и третьего – он вышагивал по крепостному валу. Королева по очереди впивалась в них таким взглядом, что ее почти можно было принять за одержимую.

– Они говорят, что приехали на бал, чтобы оказать честь принцессе. И мне. Но я знаю правду. Они приехали, чтобы похоронить меня. Коварный султан Азир платит своим пиратам за то, чтобы они грабили мои корабли. Император Катая подсылает наемных убийц в Конигсбург, и те крадутся по ночным улицам бесшумно, как тени. Ну а король Хинтерландии льет яд в мои реки и подсаживает крыс в мои зернохранилища.

Королева подошла к зеркалу совсем близко. Приложила ладони к стеклу. И зашептала, так что часть серебристой поверхности затмилась от ее дыхания:

– Зеркало, зеркало на стене...

Она еще не закончила, когда раздался звук, которого она ожидала, – шелковый шелест птичьего крыла.

В зеркале отразился человек.

Его глаза были черными, как у вороны, дыхание – холодным, как могила.

Он стоял за спиной королевы.

Глава 9

Королева сделала глубокий вдох, сжала кулаки, заставила себя повернуться и посмотрела ему в глаза.

Незванный гость приходил к ней каждую ночь, и ничто не могло его остановить. Как бы велика ни была ее армия, сколько бы крепостей и военных кораблей она ни построила, ему все было нипочем.

Он был высок, худ и бледен. Синие жилки просвечивали на висках. Корона из резного обсидиана с кроваво-красными кристаллами венчала гордую голову. Плащ цвета ночных теней, застегнутый на пуговицы у горла, покрывал его узкие плечи.

Человек поклонился королеве. Та ответила ему поклоном – перед ней был король, наследник древней династии.

– Твои враги смеются над тобой, Аделаида, – начал он, а его зеркальный двойник заговорил с двойником королевы. – Здесь, под крышей твоего замка, султан, император и король называют тебя тщеславной пустышкой, влюбленной в свое отражение и завидующей чужой красоте.

Королева ответила зеркалу горькой улыбкой:

– Я не даю им настоящих причин для насмешек, вот и приходится их выдумывать. Ничто не пугает слабого мужчину так, как сильная женщина.

Он опустил руку на плечо королевы. Тонкие белые пальцы заканчивались длинными черными когтями. Придвинувшись к ней ближе, он прошептал:

– Они говорят, что у тебя есть волшебное зеркало, которому ты каждый вечер задаешь один и тот же вопрос: «Зеркало, зеркало на стене... кто прекрасней всех в стране?»

– Что ж, хотя бы в половинном уме им не откажешь: половину они угадали верно, – сказала королева. – Пусть болтают. Обо мне распускали слухи хуже этих. Куда хуже. Хотя опасна любая ложь. Тот, кто осмеливается клеветать на короля, рано или поздно расстается с головой, но когда клеветают на королеву, голову, как правило, теряет она. – Королева говорила с горячностью, скрывая за гневом тревогу; король понял это и улыбнулся. – Все они замышляют против Грюнланда, все до единого. Я знаю, – продолжила королева. – Король Хинтерландии...

– Это не главный твой враг, – перебил ее человек в черном. – Как и султан, и император. Есть другой враг, куда опаснее этих.

– Кто? – жадно спросила королева, с тревогой распахнув глаза.

Пальцы черного короля еще крепче сжали ее плечо. Когти пронзили тонкую ткань мантии и воткнулись в плоть.

– Зеркало, зеркало на стене... – начал он, и его беспросветно-черные глаза впились в отраженные серебристой поверхностью глаза королевы.

– Кто готовит гибель мне? – закончила она.

Изображение в зеркале исказилось, но тут же выправилось и обрело резкость.

Губы королевы раскрылись, однако с них не слетело ни звука. Кровь отхлынула от ее щек.

– Нет, – наконец выдавила она, – нет, этого не может быть.

Перед ней было лицо подавленного, глубоко опечаленного человека. Щеки в красных пятнах, глаза, опухшие от слез. Испуганный взгляд.

Софи.

Глава 10

Королева отвернулась от зеркала и от ночного гостя, порывисто отошла на другой конец комнаты и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

Она заговорила лишь минуту спустя.

– Ты ошибаешься, – с усилием выдавила она. – Хотя нет, – поправилась она, и на ее губах заиграла презрительная улыбка. – Ты сошел с ума. Принцесса – пустое место, глупая, мягкосердечная девчонка. У нее нет армии. Нет флота. Ей не хватает силы духа, чтобы наказать провинившуюся собаку, так как же она бросит вызов могущественной королеве?

– Я не ошибаюсь и не сошел с ума. Я видел это своими глазами, – ответил ночной гость.

Ее улыбка искривилась и погасла. Она подошла к нему.

– Чего ты хочешь от меня? – спросила она прямо.

У него в руках откуда-то взялась пустая стеклянная шкатулка с замками и петлями, отлитыми из золота. Он поставил ее на стол:

– Принеси мне ее сердце.

Целая буря эмоций пронеслась по лицу королевы – неверие, испуг, ужас. Не сводя глаз со шкатулки, она отшатнулась и покачала головой.

– Много лет ты обращаешься ко мне за советом, – продолжил ночной гость. – С тех самых пор, как я нашел тебя скорчившейся у этого самого зеркала во дворце твоего отца. До сих пор слышу топот солдатских сапог по коридорам в ту ночь. Вижу свет факелов, играющий на обнаженных клинках. А ты разве забыла?

Королева ответила ему прямым взглядом. Это далось ей нелегко – смотреть ему в глаза было все равно что заглядывать в бездну. Их темная глубина сначала поднималась навстречу ее взгляду, потом окутывала ее и тянула к краю.

– Я не могу сделать то, о чем ты просишь, – прошептала она.

Он прищелкнул языком:

– Одним приказом ты посылаешь тысячи людей на смерть в бою. Не моргнув глазом, следишь за тем, как ломают шпионов на дыбе. Улыбаешься, когда топор отсекает голову предателю. И теперь не решаешься избавиться от какой-то девчонки?

– Она же ни в чем не виновата.

– Она – угроза, – настаивал он. – Она глупа и слаба. Разве ты сама так не говорила? Доверить ей правление Грюнландом – все равно что посадить на трон несмышленного младенца. Ты это знаешь, и твои враги знают не хуже тебя. Разве ты не видела их в зеркале? А они уже кружат возле тебя, замышляют твоё падение.

Королева закрыла глаза. Гость подошел к ней так близко, что она почувствовала его запах: от него пахло полночью, железом и прахом.

– Разве зеркало когда-нибудь говорило тебе неправду? Разве я когда-нибудь тебе лгал? – настойчиво продолжал он, но королева не отвечала. – У тебя есть выбор, – сказал он и растаял в воздухе.

Королева закрыла лицо руками.

– Я не могу убить ее. Не могу, – простонала она.

Она опустила руки и снова взглянула в зеркало, но на этот раз увидела не взрослую женщину, а юную девочку. Девочка стояла на коленях. Ее лицо было в слезах, платье – в крови.

Слова ночного гостя эхом звенели у нее в ушах. *Разве зеркало когда-нибудь говорило тебе неправду?*

– Никогда, – шепнула она.

Черный король далеко, но он слышит ее ответ; он читает прямо в ее сердце. И улыбается. Она верит, будто призывает его. Думает, что он в ее власти. На самом деле между ними идет война, и ей не одержать победу. Потому что она не знает, как победить такого врага.

Это он, король, вертит ею как хочет. И вертел всю жизнь: в детстве, в юности и теперь, когда она стала взрослой. Даже когда он не с ней, он все равно рядом. Нашептывает ей в ухо, острым когтем ведет по спине так, что кровь стынет в жилах.

Небо светлеет. Звезды меркнут.

Королева принимает решение.

Она берет со стола шкатулку.

И зовет егеря.

Глава 11

Темный Лес

Заря едва занялась, когда на узкую лесную тропу, один за другим, вышли семеро братьев: каждый чуть выше бочонка для сбора дождевой воды, в рабочей одежде и колпаке. Они шагали, забросив на плечо кирки.

За ними шел паук: спинка коричневая, как лесной орех, брюшко – сливочно-белое. Он возвышался над самым высоким из братьев на целый фут. В одной из многочисленных лапок-рук он держал корзинку из ивовых прутьев.

Паук на ходу выпустил вверх тонкую паутинку и опутал ею хорошенького белого мотылька – тот всю ночь играл в салки с лунным светом и вот, возвращаясь домой под утро, зазевался и был пойман. Быстро подтянув добычу к себе, паук проглотил ее целиком. Крылышки мотылька защекотали его пищевод.

– Я есть хочу, – пожаловался младший брат, который шел впереди. – Интересно, что Вебер собрал нам на обед?

– Мы едва позавтракали, а ты уже думаешь об обеде? – отозвался другой брат, шедший за ним.

Младший остановился и раздраженно глянул через плечо:

– Ну и завтрак – маринованная говядина с черным хлебом. А колбаски где?

– Шатци, будь любезен, шагай, а? – сказал второй брат и слегка подтолкнул его.

– Не толкайся, Юлий! – воскликнул Шатци и толкнул его в ответ.

– Эй, вы, хватит! – вмешался в перепалку третий брат. – Вебер положил колбаски, я видел. А еще он положил...

Тишину прорезал крик, пронзительный и тонкий. Братья застыли на месте.

Тот, кто начал ворчать, крепче сжал рукоять кирки и скинул ее с плеча.

– Вы слышали? – обратился он ко всем.

– Дурацкий вопрос, Якоб.

– Разумеется, слышали.

– Как такое можно *не* услышать?

Братья отвечали сердитыми голосами, но всякий, кто услышал бы их в тот миг, сразу понял бы, что им просто не по себе.

– Это он, – угрюмо сказал Якоб. – Снова кого-то забрал.

– Ммм, нет. Вряд ли, – с напускной веселостью возразил Шатци. – Скорее птица. Или белка.

– Белка? Белки не умеют визжать, болван, – сказал Юлий.

– Ну да, пока не обнаружат, что кто-то стащил у них орехи.

– Думаешь, это смешно, Иеремия? Ничутьточки, – продолжал Шатци капризным тоном. – И вообще, как ты можешь шутить на эту тему после того, что случилось...

– Не обращай на него внимания, Шатц, – посоветовал Йоост, четвертый брат. – Это защитный механизм. Иеремия прячет под юмором тяжелые переживания.

– Ой, не надо! – взмолился Юлий.

Йоост бросил на него сердитый взгляд:

– А может, ему трудно справляться с болью. Ты когда-нибудь задумывался над этим?

– А может, он придурок.

– Заткнитесь уже, а? – зашипел на них Якоб.

Все притихли, напряженно выжидая.

– Вот видите? Ничего не случилось, как я и говорил! – Шатци всплеснул руками, точно разгонял страх. – Может, пойдем?

Новый крик разорвал утренний воздух. Якоб сорвался с места и побежал.

– Куда ты? – крикнул ему вслед Шатци.

– Надо его остановить! – бросил на ходу Якоб.

– Не получится... Мы же пробовали!

– Значит, попробуем еще раз!

Шатци закрыл глаза. Сжал кулаки:

– На этот раз без меня. Кто бы это ни был, он уже мертв, а видеть их всегда так больно. Как будто это снова Яспер. Я не могу. И не пойду.

Что-то зашелестело в кустах рядом с ним. Шатци открыл глаза. Все, кроме него, бежали за Якобом. Он один стоял на тропе, не считая вороны, которая примостилась на ветке у него над головой. Едва Шатци увидел ее, как она каркнула. Тут же отозвалась вторая, за ней – третья. Наклонив головы, все три птицы смотрели на него черными блестящими глазами, так, словно увидели большую жирную личинку.

Шатци вздрогнул. Вороны все прибывали. А значит, их хозяин был поблизости.

– Подождите меня! – завопил он.

И вприпрыжку помчался за братьями.

Глава 12

Якоб с треском прорывался через подлесок, подняв над головой кирку, чтобы в любой миг пустить ее в дело. Немного не добежав до пруда, он споткнулся и опустил инструмент. Перед ним лежала несчастная: навзничь, в луже собственной крови. Она уже не дышала, глаза смотрели в небо.

Два брата, Йозеф и Иоганн, подбежали и упали рядом с ней на колени. Остальные стояли.

– Поздно, – пробормотал расстроенный Шатци. – Умерла.

– Нет. Еще теплая, – возразил Иоганн, прижав ладонь к щеке девушки. – Есть шанс...

– Шанс? – взвился Шатци. – Может быть, ты не заметил, но у нее вырезали сердце!

– Где Вебер?

Паук поставил корзинку на землю и засеменил к девушке.

– Что он может сделать? Ее ведь тоже нет, – сказал Шатци, заламывая руки. – Наверняка она уже улетела.

– Никуда не улетела. Здесь она. Ты что, не видишь?

Пройдя между людьми, паук опустился на землю рядом с девушкой, заглянул ей в лицо восемью глазами, и тут что-то легкое, как пух, и прекрасное, как солнечный луч, слетело с ее губ. Переливчатое, словно жемчужина, оно немного помешкало и устремилось вверх.

Паук принялся прясть так быстро, как только мог.

– Торопись, Вебер, – подгонял его Иоганн. – К нам вот-вот пожелуют.

И он указал на небо. Оно потемнело, но не из-за туч... а от воронья. Тысячи черных птиц слетались со всей округи, сбиваясь в огромную воронку, которая раскручивалась над прудом, то опускаясь, то снова поднимаясь. Казалось, будто невидимая рука запускает волчок над Темным Лесом.

– Это он. Сейчас будет здесь, – заговорил Шатци, в чьем голосе звучал страх.

– Но зачем? – спросил Йозеф. – Ведь, судя по всему, он уже получил ее сердце.

– Кто его знает? Надо убираться.

– Не успеем. Он нас увидит.

– Значит, надо прятаться. Давай, Вебер, шевелись.

Паук уже сплел из своей нити прочную паутину. Теперь он встал и жестом рыбака, который бросает сеть, закинул свое изделие в воздух. Сеть сразу обвилась вокруг диковинного переливчатого предмета. Паук поспешно потянул ее к себе, собрал края и скрепил их второй нитью. Теперь пленница никуда не денется.

– Молодец! – похвалил его Иоганн. – А сейчас всем прятаться, живо!

Юлий схватил корзинку Вебера и укрылся за большим камнем. Иеремия с ним. Остальные разбежались по кустам, кто-то даже вскарабкался на дерево.

Приметив трухлявое бревно, паук нырнул под него. Там он затих, прижав светлое брюшко к жирной черной земле и прикрыв собой узелок с драгоценной добычей.

Он даже дыхание затаил, будто умер, – знал, что его ни в коем случае не должны найти. Ведь от него зависела сейчас судьба живой многоцветной жемчужины. Он чувствовал, как та бьется в его паутине, точно мотылек, обреченный и прекрасный.

Это была душа убитой девушки.

Глава 13

Женщина в черных лохмотьях, бывших когда-то платьем, склонилась над мертвой девушкой и поморщилась.

– Иногда я убиваю, братец, – огорченно сказала она и потянула себя за прядь свалывшихся черных волос.

– Эту девушку убила не ты, сестрица. А егерь, – отозвался тот, кто стоял рядом с ней. – Зарезал острым ножом.

Женщина кивнула, но как-то неуверенно и снова дернула себя за волосы – так сильно, что прядь с тошнотворным треском отделилась от головы. Посмотрев на окровавленные корни, женщина отбросила волосы в сторону.

– Иногда я учу. А иногда дарю подарки, – пробормотала она.

– Иногда, – подтвердил тот, кто стоял рядом.

Женщина опустила на колени, провела кончиками пальцев по крови на жакете убитой. От ее прикосновения та свернулась, затвердела и стала горсткой рубинов.

– Где сердце? – спросила она, глядя на разверстую грудь девушки.

– В стеклянной шкатулке. Ждет меня.

Наклонив голову набок, женщина посмотрела на брата:

– Сколько же сердец тебе нужно, братец?

– Все. До единого.

– Тогда нечего мешкать. От Темного Леса до замка много миль.

Брат протянул руку. Сестра поднялась с земли и взяла ее.

Они были похожи – высокие, бледные, с черными, как смоль, волосами. Только глаза были разные. Его – полные тьмы. Ее – красные, в прожилках кровеносных сосудов, источающие безумие.

Не прошли они и десяти шагов, как брат остановился и завертел головой, по-волчьи нюхая воздух.

– В чем дело?

– Кажется, она еще здесь. В смысле, ее душа. Не уходит. Я ее чувую, а ты?

Он выпустил руку сестры и медленно, неуверенно закружился на месте. Его взгляд стал острым, проникая сквозь мглу, обшаривая камни, деревья, пока не уткнулся в трухлявый ствол у самого пруда. Человек в черном шагнул к нему.

Женщина не сводила с него глаз.

– Эй, братец – сказала она, и ее бескровные губы раздвинулись в улыбке, – не знай я тебя, решила бы, что ты боишься.

Тот замер. Затем, повернувшись к сестре, захохотал так, словно слышал самую смешную шутку в своей жизни. Сестра тоже засмеялась, но по-другому: его смех напоминал потрескивание льда, ее был скрипучим и безумным. Вместе они отправились домой, в свой замок, а их голоса еще долго раздавались в тишине леса. Там, где они проходили, с ветвей срывались вороны и с громким карканьем уносились прочь.

Услышав их грей, лисица, таившаяся в кустах шиповника, оскалила зубы и загнала своих лисят в логово. Кролик скакнул в нору. Большая лягушка вздрогнула и укрылась под листом кувшинки.

А неподалеку с облегчением перевели дух семь человечков и большой паук.

Глава 14

– Вебер! – прошептал Иоганн. – Слышь... Вебер! Они ушли?

Голос шел из кроны дерева.

Паук высунул из-под ствола голову, одну лапу, потом другую. Приподняв верхнюю часть тела, он взгляделся во тьму и наконец кивнул.

Иоганн спрыгнул на землю. Другие братья тут же последовали его примеру и появились из своих укрытий.

Йозеф поглядел на тропу, по которой ушли брат и сестра.

– Это не он убил девушку, – сказал он.

– А он никогда не убивает. Всегда находит тех, кто сделает за него грязную работу, – сказал Иеремия и добавил, как выплюнул: – Ублюдок!

Шатци, с лицом блее соли, спросил:

– Иоганн, ты спасешь ее?

– Попытаюсь, – ответил тот и наклонился к девушке.

– Времени совсем мало, – волновался Шатци, показывая на мешок из паутины.

Паучий шелк едва сдерживал напор души, которая рвалась наружу.

– Знаю, Шатц, вижу. И все же, пока она у нас... – он кивнул на мешок, – у девушки есть шанс.

Юлий покачал головой:

– Для чего нам лезть во все это?

– А что нам, по-твоему, делать? Бросить ее здесь и пусть валяется? – фыркнул Иоганн.

Юлий поморщился и отвел глаза.

– Накличем мы нашей добротой беду на свою голову, помяни мое слово, – пробормотал он.

Но Иоганн его уже не слушал. Он поднял с земли тело и, не мешкая, понес его в Лощину – так назывался их дом.

Иоганн был силен и отважен, но его сердце ухало от напряжения – так тяжела была для него девушка из мира людей. Его легкие готовы были разорваться от натуги. Ноги подгибались на бегу. Раз-другой ему показалось, что он не сможет, не успеет, но он упрямо бежал вперед со своей ношей; наверху ветерок раскачивал ветви деревьев. Вокруг Иоганна и над ним беспрестанно шелестела и лепетала листва.

Годы спустя, рассказывая эту историю у камелька долгими зимними вечерами, он будет говорить, что деревья словно торопили его, шепча наивными детскими голосками: «Не сдавайся! Не теряй надежду!»

«Король Ворон забрал еще одно сердце, – говорили они. – Торопись, Иоганн. Не дай ему победить. Не дай этой девушке погибнуть».

Глава 15

Софи снилось, что она купается в море боли. Огненно-красные волны прокатывались по ее коже, отчего горела кровь и тлели кости.

– Перестаньте... пожалуйста, – молила она. – Дайте мне уйти. Умереть.

Какой-то паук забросил в море сеть, поймал девушку и бережно потянул ее к берегу.

Софи навзничь лежала на песке, разбросав руки и ноги. Голова откинулась набок. Сквозь красную пелену перед глазами Софи увидела, что под ней – не песчаный берег, а деревянный стол. Вокруг были разбросаны инструменты: зажимы, тиски, ножницы для резки жести, молоточки. Она различила какой-то механизм с колесиками, противовесами и пружинками. Громко тикали часы. Двое переругивались шепотом.

Ты с ума сошел!

У тебя есть идея получше?

Мы ее теряем!

Какой-то человек, изможденный и бледный, смотрел сверху вниз хищным взглядом. Рядом с ним появилась женщина и улыбнулась; рот ее был полон гнилых зубов.

Софи ощутила, как чьи-то руки хватают ее голову, поворачивают, насильно разжимают сведенные челюсти. По языку растеклась горечь. Все вокруг померкло; глаза закрылись.

Она уснула. И увидела сон.

Ей снилось небо, черное от воронья.

Глава 16

Пока шла борьба за крохотную искорку жизни, которая еще тлела в теле принцессы, королева на троне так крепко впилась руками в подлокотники, что обломала все ногти.

Она ждала меня, егеря.

Королева не сомневалась, что я выполню свою задачу. Ведь я, как и она, всегда видел мир таким, каков он есть, а не таким, каким мне хотелось бы его сделать, и она это знала.

Я видел, как новорожденный олененок встает на подгибающиеся ножки, а волк бросается на него и вырывает ему горло прежде, чем он успевает сделать первый шаг.

Я видел, как неоперившийся птенец падает из гнезда и как его хватает лисица.

Я видел, как сова уносит в когтях кричащего крольчонка.

Поэтому я называл себя реалистом. Я говорил себе, что мир таков, всегда был таким и таким останется. Такой была моя вера. Но она не спасла меня. Ничто не могло спасти меня тогда.

Весь двор собрался в Большом зале, где должна была начаться коронация принцессы. Но урочный час настал и прошел, а принцесса все не являлась. За ней послали фрейлин. Те принесли ответ: рано утром принцесса отправилась на охоту и до сих пор не вернулась. А вместе с ней – я.

Фельдмаршал велел своим людям отправиться в Темный Лес на поиски нас, но едва он успел отдать распоряжение, как по залу прокатился дружный вздох.

В стрельчатом проеме дверей стоял я – моя грудь часто вздымалась, взгляд был безумным. В руках я держал стеклянную шкатулку, запачканную кровью.

Поняла ли королева тогда, что она наделала? Или все еще воображала, что она в безопасности?

С трудом переставляя непослушные ноги, я подошел к трону. Придворные расступались передо мной, многие в ужасе вскрикивали, ведь мое платье пропиталось кровью. Стражники, схватившись за рукояти мечей, ринулись ко мне, но королева подняла трепещущую руку, и они остановились.

В нескольких шагах от трона я пал на колени.

– Принцесса мертва! – воскликнул я.

В зале пронзительно закричали. Многие придворные побелели как полотно и поспешили опуститься на стулья. Кто-то потерял сознание. Молодой принц Хаакон словно окаменел от потрясения.

В мгновение ока фельдмаршал оказался рядом со мной, выхватил меч и прижал его острие к моей груди.

– Ты ответишь за это, мерзавец! – взревел он.

И я ответил. Рассказал им историю. Двору, не королеве. Она и так знала ее наизусть, от слова до слова, ведь она сама поведала ее мне той ночью, когда призвала меня в свои покои.

– На нас напали волки, целая стая, – начал я. – Я бился с ними, как мог, но их было слишком много. Один из них перегрыз принцессе горло, а другие... растерзали тело...

Тут мой голос прервался. Мои безумные глаза встретились с глазами королевы. Я протянул ей шкатулку, которую держал в руках.

Королева уставилась на нее, вернее, на то, что лежало внутри. Вспоминала ли она, как я рыдал, когда она дала ее мне накануне? Как молил избавить меня от этого поручения? Она ответила мне тогда, что у нее нет выбора. А значит, у меня тоже.

– Несколько зверей я убил, остальных прогнал в лес, – лгал я. – И так спас сердце принцессы.

Я медленно наклонился и осторожно – острое фельдмаршальского меча все еще упиралось мне в грудь – опустил шкатулку на пол.

– Простите меня, – прошептал я королеве. Принцессе. Себе. А потом, не дав никому опомниться, схватился обеими руками за меч и вогнал его себе в сердце.

Фельдмаршал вскрикнул. Выругался. Вырвал клинок, но было уже поздно. Я рухнул на мраморный пол. Вокруг разлилась кровь.

К королеве бросились фрейлины. Она была бледна как смерть. Дама Беатриса хотела помочь ей выйти из зала, но королева оттолкнула ее, сама поднялась с трона, спустилась по ступенькам и подошла к тому месту, где лежал я. Наклонившись, она взяла с пола стеклянную шкатулку и только тогда удалилась в свои покои.

Выгнав всех – фрейлин, горничных, охрану, – она захлопнула дверь. По дворцу эхом прокатился грохот.

Зловещий. Окончательный. Последний.

Как будто закрылась не комната, а могила.

Глава 17

«Ну и сон, – зевая, думала Софи. – Огромные пауки и крохотные люди. Вороны, пружины...

...Лица».

Два лица. Бледные, не совсем человеческие, обрамленные черными волосами. Стоило вспомнить о них, как по спине побежали мурашки. Подтянув одеяло, она укуталась до самого подбородка.

«Кто же они такие?» – гадала принцесса. Но чем сильнее она старалась вспомнить эти лица во всех подробностях, тем расплывчатее они становились. В конце концов она разозлилась и, оставив свои попытки, сладко потянулась. Боль острым ножом пронзила ее грудь.

– Ой! Ой-ё-ёй! – вскрикнула она и поморщилась. – Наверное, потянула что-то на празднике. Меньше надо было бегать и танцевать. Особенно с Хааконом.

Софи улыбнулась, согретая воспоминанием о губах и руках Хаакона.

«Сегодня мой день рождения», – подумала она, чувствуя, как волнение поднимается в ней, словно пузырьки в бокале с шампанским. Сейчас она быстро позавтракает у себя, потом состоится коронация, а потом – музыка с танцами и пиром на весь день. А когда веселье наконец закончится, они с Хааконом подойдут к королеве и расскажут ей о своем желании пожениться. «Хотя бы раз в жизни мачеха будет мной довольна», – мелькнуло в голове у Софи. Ах, поскорее бы дожждаться!

Но хотя она лежала, боль в груди все не унималась. Даже наоборот, становилась острее. Софи решила, что для расслабления перенапряженных мышц придется принять горячую ванну. Сейчас она позовет камеристок, пусть все приготовят. Да и вставать уже пора. Надо еще поесть, одеться. Впереди важный день.

Она медленно разлепила заспанные глаза, ожидая увидеть высокий потолок, расписанный цветами и херувимами. Но взгляд уперся в сосновые доски. Тогда она распахнула глаза во всю ширь. Спальня была незнакомой.

Паника охватила Софи. Она села. Боль молнией пронзила верхнюю часть тела, так что на миг Софи ослепла и оглохла. Она сидела, шаря руками по простыне, и не могла ни вздохнуть, ни охнуть, ни пошевелиться.

Боль покидала ее тело капля за каплей. В легкие снова потек воздух. В глазах посветлело. Когда она, дрожа и обливаясь потом, нашла в себе силы открыть глаза и оглядеться, то поняла, что находится в крохотной комнатухе: кружевные занавески на окнах, напольное зеркало в углу, пестрый лоскутный коврик на полу. Повернув голову набок, девушка увидела изголовье кровати – деревянное, покрытое резными желудями и дубовыми листьями.

«Где я?» – подумала она.

Образы из ее сна снова замелькали перед глазами – сверкнул кинжал, захлопали крыльями птицы, слеза скатилась по щеке егеря.

Девушка прижала ладони к сердцу. Ужас, тяжелый и стылый, как морской туман, прильнул к ней со всех сторон. Она попыталась отогнать его. И вспомнить.

Было раннее утро... Я ехала верхом через Темный Лес. Что же случилось? Может быть, я упала?

– Да, конечно, – сказала она вслух, и в ее голосе прозвучала уверенность, которой она не ощущала.

Я упала, ударилась головой и потеряла сознание. Егерь привез меня в первый попавшийся дом. Здесь мне помогли. И оставили отдыхать.

– Но где же тогда он сам? – прошептала она.

Нахлынули новые воспоминания, сменяя все на своем пути, словно табун перепуганных коней. Ей вспомнилась страшная боль. Егерь стоял возле нее на коленях. Он держал что-то в руках. Что-то маленькое и красное.

– М-мое сердце. Он забрал мое сердце, – со страхом пролепетала Софи. – Н-но зач-чем? Почему? Почему это со мной случилось? Почему я все еще живу?

Ничто не происходит без причины... Егерь что-то говорил ей... Но ревущий прибой боли нахлынул на нее и стер его слова.

Софи посмотрела на себя. И увидела старую льняную рубашку.

– Откуда это?.. – начала было она, но осеклась.

Что-то виднелось сквозь ткань. Что-то темное. Дрожащими руками она расстегнула верхнюю пуговку рубашки и взглянула на свою грудь. Ровно посередине ее пересекал длинный лиловый разрез, поперек которого на равном расстоянии друг от друга, как ступеньки на лестнице, были наложены грубые черные стежки.

Софи не верила своим глазам. Она крепко зажмурилась.

– Я сплю, – прошептала она. – И мне снится сон... кошмар.

Она снова открыла глаза, но все вокруг – кровать, комната, рубашка, стежки – осталось прежним.

Девушка робко коснулась разреза пальцем, и что-то шевельнулось у нее внутри. А потом она услышала кряхтение и лязг. Точно так же кряхтели и лязгали, готовясь отбивать время, старинные напольные часы в кабинете мачехи. Она подняла голову и огляделась, – наверное, здесь тоже есть часы, просто она их не заметила.

Но нигде, ни в одном углу, ни на полке, ничего такого не было. И тогда она с испугом поняла: странные звуки издает она. Ее собственное тело. Страх Софи перешел в ужас. Из горла вырвался крик.

В тот же миг дверь спальни широко распахнулась, и через порог шагнула большая божья коровка – четырехфутовая, в чепце и переднике, сильно обеспокоенная.

Софи вытаращила глаза. Глубоко вдохнула. И завизжала.

Глава 18

Божья коровка прижала лапку к встревоженной мордочке, обернулась и защелкала, глядя назад.

Почти сразу в проеме двери появились еще семь лиц. Часто дыша от испуга, Софи съехала в постели и прижалась к резному изголовью. Лязг в ее груди сделался громче.

– Нет, ты слышишь этот грохот, Иоганн? – спросил бородатый коротышка. – Это же форменная катастрофа. Так она и до утра не дотянет.

Второй коротышка, который, видимо, и был Иоганном, хмуро ответил:

– Механизм слегка заедает. Ничего, выправится со временем. – Он помолчал, потом добавил: – По крайней мере, должен.

– Это ты так думаешь, – ответил третий коротышка.

Иоганн вскинул руки:

– Работать пришлось второпях! Подгонять да калибровать не было времени!

Затравленный взгляд Софи метнулся к окну. От кровати до него – всего пара шагов; пожалуй, можно успеть раньше коротышек... но все равно, слишком высоко, да к тому же окно такое узкое, что не выбраться.

Один из человечков держал поднос. Протиснувшись сквозь остальных, он направился к ней. Софи испуганно взвизгнула, соскочила на пол и встала спиной в угол так, чтобы кровать оказалась между ней и незнакомцами. На ночном столике стоял тяжелый бронзовый подсвечник. Софи схватила его дрожащими руками и выставила перед собой, как меч. Лязг в ее груди давно перешел в пронзительный скрежет – так бывает, когда металл трется о металл.

– Посмотри, что ты натворил, Йоост. Ты ее напугал. Поставь этот чертов поднос!

– Что такого страшного в миске куриного бульона, Юлий?

Тот коротышка, который говорил о подгонках и калибровках, шагнул к Софи, поднял руки и показал ей пустые ладони. Потом открыл рот, но сказать ничего не успел.

– Я – принцесса Шарлотта-Сидония Вильгельмина София Грюнландская! – выпалила Софи и замахнулась на него подсвечником. – Если хоть один волосок упадет с моей головы, ты за это ответишь!

Юлий закрыл глаза и пощипал себя за переносицу:

– Так-так... Принцесса, значит. Принцесса! Разве я не говорил, что с ней будут неприятности? Королевские конники ищут ее и вот-вот явятся сюда.

При упоминании о мачехе Софи моргнула. В груди что-то скрипнуло. Силы сразу начали покидать ее: колени подогнулись, подсвечник выпал из рук и с громким стуком упал на пол.

Она вспомнила. В голове зазвучали обращенные к ней слова егеря. *Простите меня, милая принцесса... Это грязное деяние я совершаю не по своей воле, но по приказу королевы.*

Софи почувствовала, как чьи-то руки подхватывают ее и тянут вверх. Это был Иоганн. Она хотела оттолкнуть его, но слишком ослабла для этого. Он посадил Софи на кровать, поднял ее ноги, укрыл принцессу покрывалом. Софи больше не могла сопротивляться и откинулась на подушки.

– Все марш отсюда! – скомандовал Иоганн.

Коротышки запротестовали и заворчали. Йоост опустил на столик у кровати поднос с миской наваристого бульона, салфеткой и ложкой, потом все вышли. Оставшись наедине с Софи, Иоганн присел на край ее постели. В комнате наступила тишина, шумы в груди Софи тоже стихли.

– Принцесса Шарлотта-Сидония... – начал он.

– Можно просто Софи.

Иоганн кивнул:

– Мы напугали тебя, Софи. Прости нас. Мы нечаянно. Меня зовут Иоганн. – Он кивнул на дверь. – Остальные – мои братья. Это наш дом. Тапфен, божья коровка, ведет наше хозяйство. Она присматривала за тобой все эти дни.

– Дни? – переспросила Софи и села от удивления. – А сколько... когда...

– Мы нашли тебя в лесу двенадцать дней назад.

Бессмыслица какая-то! Просто не верится. Софи встряхнула головой.

– Почему я не умерла? – спросила она.

Иоганн помешкал с ответом, потом осторожно спросил:

– Ты что-нибудь помнишь?

Софи снова упала на подушки, точно сломанная кукла.

– Егерь... я знала его, доверяла ему... а он вырезал мне сердце. По приказу моей мачехи – королевы.

Иоганн даже присвистнул.

– Зачем это ей понадобилось? – спросил он.

Софи захлестнул стыд. В памяти эхом зазвучали слова мачехи. *Ты проявляешь мягкость там, где нужна жесткость, милуешь, когда следует карать... Как ты будешь править целой страной, София, не умея управлять даже собой?*

– Софи, зачем? – настаивал Иоганн.

– Потому что я слабая, никчемная, безнадёжная, – ответила Софи севшим от отчаяния голосом. – Вот она и решила, что лучше мне умереть, чем править Грюнландом.

И она подняла глаза на Иоганна, ожидая увидеть на его лице презрение – то самое, которое так часто читала в лице мачехи. Но он не смотрел на нее. Его взгляд был устремлен в окно. Глаза влажно блеснули. Губы дрожали.

– Почему я все еще живу, Иоганн? Как это возможно? – спросила она. – Ведь мне вырезали сердце.

Иоганн торопливо отер глаза, посмотрел на нее и ответил:

– Да, Софи, ты живешь. Я сделал тебе новое сердце.

Глава 19

Софи уставилась на Иоганна, не в силах уразуметь смысл его слов, затем поглядела на свою грудь. Медленно, боязливо она опустила раскрытую ладонь на середину грудной клетки, прямо поверх уродливого шва, туда, где когда-то билось ее собственное, безупречно работавшее сердце.

Новое было таким большим, что распирало ей ребра. А еще неуклюжим. И своенравным. Да и звуки, которые оно издавало, походили скорее на «тик-так», чем на «тук-тук». Оно то спешило куда-то, то, наоборот, медлило. Сбивалось с ритма, запиналось, кряхтело, сипело, а потом начинало бешено наверстывать упущенное.

– Это своего рода механизм, – пояснил ей Иоганн. – Он прокачивает кровь через ваше тело так же, как это делало старое сердце.

Софи знала, что такое механизм. Ученые и инженеры с разных концов света постоянно прибывали ко двору мачехи, желая продемонстрировать ей свои изобретения. Софи видела и помпы, и турбины – жуткие, уродливые штуковины, которые изрыгали дым и плевались маслом. И вот теперь механизм оказался в ней самой, под ее кожей, плотью и костями. Несколько секунд она боролась с собой – так ей хотелось разорвать стежки на груди и избавиться от чертовой штуковины.

– А из чего он? – спросила она дрогнувшим голосом.

Иоганн набрал воздуха, точно готовясь к долгой пространной лекции, но не успел ничего сказать – ответ прилетел со стороны двери.

– Олово. Колесики, шестеренки. Проволока.

Софи повернула голову. Вернулся Юлий – брат Иоганна. Он стоял, привалившись спиной к косяку, сложив на груди руки, и пристально смотрел на Иоганна. Как давно он там был и сколько успел услышать, Софи не знала.

– Иоганн у нас мастер на все руки. Верно, братец? – продолжил Юлий не без яда в голосе.

Иоганн ничего не сказал, лишь робко улыбнулся брату.

Юлий повернулся к Софи и хотел заговорить, но тут в комнату с тарелкой в руках ворвался еще один брат.

– Вебер прислал ей свежий хлеб с маслом, – заявил он.

– Вебер – это наш повар, – пояснил Иоганн. – А это Шатци, наш седьмой брат.

– Седьмой брат... – повторила за ним Софи.

Еще недавно она была так напугана, что не могла даже думать и не поняла, сколько их и кто они такие. Но теперь, успокоившись, вдруг догадалась.

– Так вы – семь лесных человечков? – удивленно спросила она.

– Точно, – подтвердил Шатци, ставя хлеб рядом с бульоном.

– Да, мне рассказывала о вас нянюшка, когда я была совсем маленькой. Но тогда я думала, что вы существуете только в сказках, – продолжала она, пораженная своим открытием; ее страх совсем прошел. – В тайных подземных ходах, известных вам одним, вы добываете золото и драгоценные камни, – добавила она. – И у каждого есть особый талант. Один из вас – плотник.

– Йоост, – подтвердил Шатци.

– Другой – охотник.

– Иеремя.

– Есть еще портной...

– Это я.

– Травник, фермер, кузнец...

– Юлий. Йозеф. Якоб.

– И часовщик.

– Иоганн.

Шатци пододвинул единственный в комнате стул ближе к кровати, сел, взял миску с супом и подал ее Софи.

– Ты худая и бледная, – заявил он, вручая ей ложку. – Тебе надо есть. Иначе никогда не поправишься.

Софи опять стало не по себе. Она с тревогой покосилась на миску. Собственная мачеха пыталась ее убить, так стоит ли доверять совершенно чужим людям?

Юлий разгадал ее подозрения:

– Думаешь, мы из кожи вон лезли, спасая тебя, чтобы потом отравить? Слишком много беспокойства!

– Юлий, разве обязательно быть таким грубым? – возмутился Шатци.

– А зачем вам это понадобилось? – спросила Софи, думая о том, что двигало братьями. – Спасать меня?

Взгляд Юлия скользнул к окну.

– Почему бы и нет? – пожал он плечами.

Но Софи не унималась:

– Вы сделали мне новое сердце. Нянчились со мной, пока я не пришла в себя. Разве так ведут себя с незнакомыми людьми?

– Может быть, там, откуда ты пришла, все по-другому, – ответил Юлий. – Но здесь, в Лощине, мы не позволяем... – Внезапно он осекся, точно сболтнул лишнего. – Мы здесь помогаем другим. – Он кивнул на миску у нее в руках. – Ешь!

Он вышел из комнаты. Затем по лестнице застучали его шаги.

– Не обращай внимания. Он сегодня не в духе. Засох куст чернобыльника, – сказал Иоганн. – А поесть тебе и в самом деле нужно.

Софи заглянула в миску: в золотистом бульоне плавали куски мяса, оранжевые кружки моркови и ленточки яичной лапши. У нее тут же заурчало в животе. Софи съела ложку, другую. Живительное тепло разлилось внутри, побежало по жилам. Металлическая штуковина, которая служила ей теперь вместо сердца, щелкнула и замурлыкала. Софи притворилась, будто не слышит, и продолжала есть. Скоро от бульона осталась ровно половина.

– Эй, потише, – предостерег ее Шатци. – У тебя же полторы недели маковой росинки во рту не было.

Но Софи не слушала. Покончив с супом, она принялась за хлеб. А когда и от него не осталось ни крошки, сказала:

– Спасибо. Было очень вкусно, – и промокнула рот салфеткой, которую принес Шатци.

После еды к ней начали возвращаться силы. В голове прояснилось, мысли обрели связность. И тут ее осенило – в бездне отчаяния забрезжил огонек надежды.

– У вас, случайно, нет платья, которое вы могли бы дать мне взаймы? И какой-нибудь обуви? – спросила она, с трудом садясь в постели. – Мне надо вернуться.

Иоганн поглядел на нее с тревогой:

– Куда вернуться? Во дворец? Плохая идея.

– Да ты едва можешь пройти по комнате, куда уж там путешествовать! – воскликнул Шатци.

– Вернуться туда, где все произошло, – объяснила Софи. – Королева вряд ли сообщит придворным, что она пыталась меня убить. Что-нибудь выдумает. Скажет, что я заблудилась или упала и повредила себе что-нибудь, а егеря отправился за помощью. Вы не видели, меня в лесу никто не ищет?

– Нет, не видели, к счастью, – сказал Шатци.

– Почему к счастью? – недоуменно спросила Софи, вскинув брови.

– Раз мы никого не видели, значит тебя никто не ищет. Если егерь королевы принес ей твое сердце...

– Мое сердце? – переспросила Софи, совершенно сбита с толку.

«Откуда он знает?» – подумала она.

Иоганн грозно посмотрел на Шатци, но Софи ничего не заметила.

– Я... э-э... ты... ты вроде сама так говорила, или нет? – промямлил Шатци.

– Нет, не говорила, – сказала Софи, ломая голову над тем, что он может от нее скрывать.

– Да?.. Ну значит, я просто предполагаю, что он так сделал, – выпутался Шатци. – Иначе зачем оно ему? Это ведь он его забрал, да? Больше-то некому.

Софи кивнула. Объяснение выглядело вполне удовлетворительным, но все же, казалось, от нее что-то скрывают.

– В общем, – продолжал Шатци, – теперь королева не заподозрит, что ты жива, а пока она считает тебя мертвой, ты в безопасности. Сиди тихо, Софи, не высовывайся – и уцелеешь. Тебе нельзя покидать Лошину.

Софи не хотелось оставаться в Лошине. Братья были очень добры к ней, но ведь это был их дом, а не ее. Новое сердце скрипнуло, словно откликаясь на ее чувства. Софи вздрогнула – во время разговора она забыла про чужеродную штуковину у себя в груди, но та напомнила о себе снова. Когда шум затих, она сказала:

– А что, если есть человек, которому я с радостью позволила бы меня найти? Человек, который мог бы мне помочь?

– Кто это? – спросил Иоганн.

– Принц Хаакон, повелитель Скандинавии. Мы собираемся пожениться. Он наверняка будет искать меня... Да нет, уже ищет. – (Искра надежды, которая сверкнула раньше, разгорелась и стала пламенем.) – Вы его не видели? – воодушевленно закончила она. – (Иоганн покачал головой.) – Высокий, светловолосый, голубоглазый. Точно не видели? – настаивала Софи и наконец повернулась к Шатци, но он тоже отрицательно покачал головой. – Тогда я... не понимаю, – сказала она, теряя надежду. Хаакон ведь обещал, что всегда будет заботиться о ней, защищать от любых бед. – Ну может, вы с ним разминувшись, – робко предположила она. – Или он ищет не в том месте.

– Раз уж королева зашла так далеко и позаботилась о твоей смерти, то явно изобрела правдоподобную историю, чтобы скормить ее двору, – сказал Иоганн. – Не сомневаюсь, бедный парень вместе со всеми думает, что ты мертва.

Софи уныло кивнула. Надежда погасла, и она принялась терев пальцами краешек одеяла. Да, Иоганн наверняка прав. Весь двор, включая Хаакона, давно верит в то, что ее убили разбойники, уволок медведь или еще в какую-либо чушь в этом роде. Ее не ищут – ни Хаакон, ни кто-нибудь другой. Мысль об этом повергла ее в отчаяние и тревогу. Было такое чувство, будто ее живой положили в гроб, забили крышку и теперь закапывают в землю, она изо всех сил кричит и царапается, но никто не слышит. У нее больше нет будущего. Она не выйдет замуж за принца. Не наденет корону. Мачеха не сумела убить ее тело, но все равно отняла жизнь.

Шатци понял, что она в смятении.

– Ты с нами, Софи. Ты жива, а это главное, – сказал он и ласково потрепал ее по руке.

– Да, – ответила она. – Я жива. Спасибо вам за это.

И она закрыла глаза. Силы, вернувшиеся после еды, стремительно убывали.

– Ты измучена. Тебе надо отдыхать. – Шатци встал, отнес на место свой стул и задернул занавески. – Поспи еще чуть-чуть.

С этими словами он собрал посуду и вышел из комнаты. Иоганн последовал за ним, но, уже закрывая дверь, вдруг замер и повернулся к Софи.

– Чуть не забыл, – сказал он и вынул из кармана куртки кисет. – Мы нашли их в траве рядом с тобой. Иеремия собрал их для тебя.

Софи с усилием подняла веки, взяла из рук Иоганна кисет и высыпала содержимое на ладонь. Шесть крупных кроваво-красных, безупречных на вид рубинов.

– Это не мое, – сказала она.

– Разве на тебе не было браслета? Или ожерелья, которое порвалось, пока ты сопротивлялась?

Софи отрицательно покачала головой и хотела вернуть камни, но Иоганн отказался их принять.

– Наверное, ты просто забыла, – сказал он. – По крайней мере, они точно не наши. Пусть будут у тебя.

Когда дверь за ним закрылась, Софи вернула камни в кисет и положила его на столик возле кровати. Сон властно манил ее в свои глубины.

«Сиди тихо, Софи, не высовывайся – и уцелеешь», – сказал Шатци. Но как долго ей тут сидеть? Не оставаться же в этой Лощине веки вечные?

Мысли снова устремились к Хаакону. Она представила себе его прекрасное лицо, теплую улыбку. Иоганн сказал, что никто не ищет ее в лесу. Но Хаакон – не кто угодно. Он – принц. Ее принц, который наверняка не примет на веру ложь королевы. Он потребует доказательств. Он наверняка чувствует, что его обманули и Софи жива. Сердце подскажет ему, ведь он любит ее, а значит, будет искать до тех пор, пока не найдет.

Я же принц. Спасать – моя работа.

Софи сомкнула веки. Ее новое сердце уgomонилось и лишь негромко пощелкивало время от времени – такой звук издает цепь настенных ходиков, когда опускается на одно звено под тяжестью гирек.

Сон укрыл ее своим темным плащом. Все ее страхи и тревоги, пережитые за последний час, поблекли.

Отступили.

И почти исчезли.

Глава 20

– Принцесса Шарлотта-Сидония Вильгельмина Софи, – сказала Софи, разглядывая свое отражение в зеркале. – Ты – пугало огородное.

Вместо сорочки на ней была старая полосатая ночная рубашка. Юбка в красную и белую клетку, которая едва доходила до лодыжек, еще недавно служила скатертью в доме братьев. Корсаж смастерили из грубого холщового мешка и красных шнурков для обуви.

Вид у Софи был совершенно дурацкий, и она это знала. Но жаловаться и ныть не хотелось. Ведь юбку и корсаж смастерил Шатци, и он же оставил их в ногах ее кровати пару минут назад.

– Надеюсь, тебе понравится, – застенчиво сказал он. – Мне еще никогда не приходилось шить юбок. Пришлось попросить Тапфен снять с тебя мерку.

Софи поблагодарила его как положено, и он выскользнул из комнаты, закрыв за собой дверь, чтобы дать ей переодеться.

Поправив юбку, она потуже затянула шнурки. Что ж, платье как платье, к тому же другого все равно не было – амазонка пропиталась кровью, и Иеремия сжег ее. «Хорошо хоть сапожки уцелели», – подумала она, глядя на них. Йоост отполировал их так, что они блестели, как зеркало. Хаакон уже наверняка обыскал весь лес вокруг Лощины и через пару-тройку дней нагрянет сюда. Надо подготовиться к встрече.

Сегодня, через две недели после того, как она открыла глаза в доме семи братьев, и без малого через месяц после того, как она покинула дворец в сопровождении егеря, Софи впервые нашла в себе силы выйти из спальни. Она слегка поправилась, швы сняли, краска вернулась на ее лицо. Но как поведет себя новое сердце, когда она начнет двигаться? До сих пор оно исправно выполняло свою работу, которой, по правде сказать, было не так много – Софи лишь спала, ела и снова спала. А что будет, когда она станет ходить по дому? Спускаться и подниматься по лестницам?

Софи не терпелось выйти во двор, чтобы увидеть, как Хаакон подъезжает к Лощине в поисках ее. В том, что это случится, у нее не было ни малейших сомнений. «Я полюбил тебя, как только увидел», – сказал он ей. Значит, он не только найдет ее, но и заберет с собой в Скандинавию, где они укроются в его грозном родовом замке. А уж там Хаакон будет держать совет с военачальниками, как им вырвать ее трон и корону из рук жестокой мачехи.

Софи сделала глубокий вдох и задержала дыхание, прошла по спальне, на каждом шагу ожидая катастрофы, но ничего страшного не случилось. Новое сердце не болело и даже не шумело сильнее обычного. У нее не закружилась голова. Она не упала. Сделав еще пару шагов, она медленно покружилась на месте. И снова никаких подозрительных стуков или хрипов в груди. Все как всегда. Софи с облегчением перевела дух. Затем распахнула дверь и вышла на лестничную площадку.

Семеро братьев и Тапфен ждали ее внизу, с тревогой следя за каждым ее шагом.

– Софи! Ты встала и ходишь! – воскликнул Шатци.

– Ты хорошо выглядишь! – подхватил Йозеф.

– Спасибо! Я и чувствую себя хорошо, – ответила Софи, осторожно перешагивая со ступеньки на ступеньку; на самой нижней она остановилась и огляделась. – Какой милый домик! – воскликнула она.

Выстроенный из сосновых бревен и досок, дом был очень простым и по-деревенски уютным. Наверху – несколько спален, внизу – одна большая комната. По ней и ходила теперь Софи, широко улыбаясь. Домик ее очаровал. Каждая вещь в нем наполняла ее внезапным безудержным восторгом.

– Ой, какие хорошенькие шторы! – сказала она, проводя пальцем по кружевным занавескам на окне. – А какое креслице!

Она опустилась в небольшое кресло, сиденье и спинка которого были туго набиты конским волосом, мечтательно вздохнула, но тут же вскочила.

Сердце, которое до сих пор вело себя совсем тихо, негромко заурчало, точно замурлыкала большая кошка. Увлеченная исследованием домика, Софи, похоже, ничего не заметила. Зато заметили братья. И обменялись встревоженными взглядами.

– Нет, вы только посмотрите на эту картинку! – почти взвизгнула Софи, показывая пальцем на лесной пейзаж на стене. – Ой, олененок! Барсучатки! Миленькие какие! – Обернувшись к братьям и Тапфен, она уперла руки в бока и заявила: – Ваш домик – просто ОЧ-ЧАР-ОВ-ВАШКА!

Иоганн предостерегающе поднял палец.

– Гм, Софи, я тут подумал... – начал было он, та перебила его, заметив что-то на столе.

– А это что такое? – спросила она, беря в руки кожаный ошейник, на котором болтался серебряный ярлычок с надписью «Хенрик».

– Собачий ошейник, – ответил Йоост. – Раньше его носил наш шнауцер. Он умер несколько месяцев назад.

Глаза Софи налились слезами. Губы задрожали.

– Нет, – сказала она. – О боже, нет! – И она прижала ошейник к груди. – В-ваш... ваш п-песик... умер? Он... он... умер? Малыша Хенрика больше нет?

На последнем слове Софи буквально взвыла и, наклонив голову, принялась поливать ошейник горячими слезами. Сердце ворчало и гремело.

– Бедный Хенрик! О какая трагедия! Он ушел так рано. Слишком рано!

– Брось, Софи! Хенрику было двадцать два года, – поспешил утешить ее Иеремия. – Собаки вообще столько не живут.

– Да, а еще он жутко пукал.

– И храпел ночи напролет, – ввернул Йозеф. – Сказать тебе правду? Я ничуть по нему не скучаю.

Софи подняла руку. Постепенно ей удалось взять себя в руки, и она сказала:

– Нельзя так говорить о мертвых. Память о Хенрике будет вечно жить в ваших сердцах, и... – Тут ее взгляд упал на кухонный стол. – О боже! А что это у нас здесь?

В два шага она пронеслась через комнату. Сердце пытелo и стучало, как паровой молот. Стол был накрыт к обеду. Синие с белым тарелки ярко пестрели на фоне нарядной желтой скатерти. Однако внимание Софи привлекли не они, а блюда с едой посередине.

На одном была горка квашеной капусты с толстыми сосисками наверху. На втором – пышный грибной штрудель. Рядом – ломти золотистых шницелей. Румяные картофельные оладьи с капельками густой сметаны и яблочного соуса. Ну и конечно, черный хлеб, желтое сливочное масло в масленке и кувшин свежего молока. И яблочные клецки с заварным кремом на десерт.

Схватив картофельную оладушку, Софи умяла ее в три приема.

– Ммм! – мурлыкнула она, другой рукой обтирая жир с пальцев. Та же судьба постигла шницель – правда, пришлось сделать шесть укусов.

– Кусно! – заявила она с набитым ртом и потянулась за сосиской.

– Может, положишь еду в тарелку? И возьмешь вилку? – предложил Иоганн.

Но Софи только отмахнулась. Никогда в жизни она не ела такой вкуснятины. И теперь мела все без разбору, едва успевая жевать.

– Повар будет доволен, – заметил Юлий. – Такой комплимент его труду. Не слишком аккуратный, правда, но все же...

Софи услышала его. И вспомнила о хороших манерах. Ну, или попыталась.

– А где же повар? Я должна его поблагодарить! – воскликнула она, зажав в кулаке недоеденную сосиску.

И то сказать, она уже столько недель в Лошине, где ее так вкусно кормят, – и даже не видела того, кто готовит всю эту чудесную еду.

– Вебер? Здесь, у тебя за спиной, – сказал Иоганн, показывая на паука, стоявшего в углу, у очага, где он мешал что-то в кастрюле.

Софи посмотрела на него, шумно вдохнула и завизжала. Сильнее, чем когда увидела Тапфен. Сердце загудело, словно пожарный колокол. Она обежала стол и снова завизжала. И швырнула в Вебера сосиской, которую все еще держала в руке.

– Хватит, Софи! – одернул ее Иоганн. – Вебер совсем безвредный. Мухи не обидит!

– А вот это неправда, – буркнул Юлий. – Сегодня за завтраком он обидел не меньше дюжины.

– Тише ты! – шикнул на него Йозеф.

Вебер потерял то место, где в него стукнулась сосиска. А потом моргнул всеми восемью глазами и заплакал.

Софи прижала ладони к щекам, устыдившись своего поступка.

– Что я натворила? – прошептала она. – Прости меня. Я так ужасно виновата. Пауки пугают меня. Но я вижу, что ты очень милый. Сможешь ли ты когда-нибудь меня простить? – Бросившись к пауку, она схватила его за две лапки. – Пожалуйста, прошу, умоляю, скажи, что ты прощаешь меня!

Вебер шмыгнул носом и нерешительно кивнул. Софи радостно захлопала в ладоши, а потом крепко обняла паука и повисла на нем. Вебер, задрав четыре лапки, беспомощно смотрел на братьев.

Юлий подтянул к Софи стул, взобрался на него и мягко оторвал от повара ее руки, одну за другой.

Софи попятилась, прижала ко лбу ладонь и сконфуженно посмотрела на братьев:

– Я... я не знаю, что со мной стало. Обычно я... лучше владею собой.

Подошел Иоганн и вынул из кармана стетоскоп. Он был сделан из куска охотничьего рога и гибкой медной трубки.

– Вы позволите? – церемонно обратился он к принцессе.

Софи кивнула и села. Ее вдруг охватила усталость. Иоганн нагнулся к ней, приложил стетоскоп к груди и стал слушать. Затем нахмурился, кивнул, выпрямился.

– Ну? – не выдержал Юлий; в его голосе слышалась тревога.

– Оно тикает... в смысле бьется, очень даже красиво, – начал Иоганн, но его взгляд, устремленный на Юлия, был полон тревоги.

Софи, чьи глаза были закрыты, ничего не заметила.

– И?... – сказал Юлий.

– Прекрасно держит ритм, – продолжил Иоганн. – Все части двигаются плавно. Ничто не шипит, не капает – одним словом, никаких следов утечки. Регуляторы управления кровяным потоком и сокращениями сердечной мышцы, кажется, работают превосходно...

– Но... – подсказал Юлий.

Иоганн нерешительно пожал плечами:

– Но мне кажется, что я... гмм... забыл про регулятор эмоций.

Глава 21

Страх пополз по хребту Софи. Своевольное сердце – худшее, что с ней могло случиться. Один раз такое чуть не угрозило ей.

– Что за регулятор, Иоганн? – переспросила она. – Зачем он нужен?

– Он следит за равновесием и беспрепятственным скольжением. Взять мельницу – там течет вода. А в сердце точно так же текут эмоции. Только твои, кажется, немножко не в порядке.

– И что мне теперь делать? – спросила Софи, обдумав слова Иоганна. – Я веду себя как ненормальная. Говорю первое, что придет на ум. Плачу. Хохочу. Кидаюсь сосисками. Так больше не может продолжаться. Это же... утомительно.

Вообще-то, она имела в виду «опасно». Она и раньше позволяла сердцу руководить своими поступками, и вот какой гнев мачехи это вызвало. Из-за нее и ее сердца пострадали ни в чем не повинные собаки и мальчик. Даже Хаакон любит ее, но считает чересчур доброй, чересчур мягкой и невыдержанной. Он просил ее отдать ему свое сердце и обещал его сохранить. Что бы он сказал, если бы увидел ее сейчас, захлестнутую эмоциями? Вдруг он раздумал бы жениться на ней? Разлюбил бы?

Софи протянула Иоганну руку.

– Скажи, что мне делать, – взмолилась она. – Научи меня владеть своим сердцем.

Иоганн задумчиво нахмурился, потом сказал:

– Может быть, свежий воздух тебе поможет. Надо пройтись. Тогда и сердце успокоится. Ты ведь уже месяц не выходишь из дому.

– А что, мысль здравая, – ввернул Юлий.

Софи согласилась, и Йозеф тут же предложил ей прогуляться в сад за клубникой. Он снял с полки большую миску, и они вместе вышли из дому. Едва дверь за ними закрылась, как шестеро братьев сели обедать.

Но и на свежем воздухе дела пошли не лучше. Стоило Софи перешагнуть порог, как она громко ахнула: какие нарядные ярко-красные ставенки у лесного дома, какие горшочки с цветами на подоконниках! И только огорченное лицо Йозефа помогло ей притушить свой восторг.

– Хватит, – сказала она себе, сжав виски ладонями. – Прекрати.

Йозеф повел ее по выложенной камнем дорожке, которая шла от самого порога. Сначала Софи ступала по ней торжественно, как подобает особе королевской крови, но уже через несколько секунд, позабыв обо всем, скакала на одной ножке, а ее сердце радостно стучало. Сунув лицо в благоуханный розовый куст, она оцарапала щеки. Сорвала маргаритку и сунула себе за ухо. Погладила слизняка. И все это прежде, чем они успели добраться до сада.

Когда Йозеф нагнал ее у садовой калитки, она была в отчаянии.

– Бесполезно, – обратилась она к провожатому. – Это сердце творит, что хочет.

– Старайся сдерживаться, – посоветовал Йозеф. – Ты же можешь задержать дыхание, делай то же и с чувствами.

Софи кивнула, расправила плечи, толкнула калитку и решительно вступила в сад. Но силы воли хватило ровно на одну секунду.

– Ты только посмотри, Йозеф! – воскликнула она. – Где еще ты видел такую роскошную капусту?

И она заметалась от грядки к грядке, восхищаясь всем подряд: кабачками, фасолью, брюссельской капустой. Почему раньше она не замечала красоты горохового стручка? Изысканной формы веточек укропа? Все казалось ей чудом. Пару минут она помогала Йозефу собирать ягоды, но потом бросила их и понеслась по саду в поисках новых открытий.

Иоганну не терпелось узнать, как дела у Софи. Он наспех проглотил обед и тоже вышел из дому.

– Как она? – окликнул он Йозефа, стоя у садовой калитки.

Тот пожал плечами:

– Вопли радости и безудержный смех уже пройдены, но ни слез, ни рыданий еще не было. Наверное, это шаг вперед... Погоди-ка... что это она там делает?

Софи восхищалась брюквой, когда ее взгляд упал на нечто куда менее привлекательное – большую бурую кучу в дальнем конце сада. В ней можно было разглядеть яичную скорлупу, старую заварку, опилки, куриный помет, разные очистки и ошметки, скошенную траву и жухлые листья. Подойдя к куче, Софи наморщила нос.

– Йозеф, а это что такое? – бросила она через плечо.

– Компостная куча, – отозвался он. – Мы складываем сюда садовый мусор и кухонные помои. Они перегнивают и превращаются в отличное удобрение. Правда, куча воняет, а еще в ней полно разных жуков и червей. Лучше отойди от нее, Софи.

Софи уже собралась последовать его совету, как вдруг компостная куча зашевелилась. Но как такое возможно? Ведь это же просто мусор. Она подошла ближе. Может быть, ей показалось?

Но нет! Опять! Куча вздулась с одного боку и снова опала, точно дышала. Вздутие перемещалось все выше, пока не добралось до верхушки, которая взорвалась, точно вершина вулкана при извержении. В дыре возник розовый нос. Усы. Черные глаза-бусины. Они принадлежали крысе, такой огромной и грязной, каких Софи никогда не видела.

Принцесса ахнула. Сердце вздрогнуло и засипело, перебирая эмоции. Софи знала, что нового взрыва не избежать, и покорно ждала, что выпадет на этот раз: страх, отвращение, ужас? Но чувство, которое захлестнуло ее с головой через пару секунд, оказалось неожиданным: это была любовь.

Сорвав стручок зеленого гороха, она протянула его крысе.

– Софи, не надо! Это очень крупная крыса! – предостерег Йозеф.

Но Софи не обратила внимания на его слова.

– Крыска! Иди ко мне, малышка! – засюсюкала она, помахивая стручком. – Я никогда не видела таких милых созданий. Давай подружимся.

Крыса понюхала стручок и рискнула подойти поближе. Софи отдала ей стручок и, пока та ела, исхитрилась схватить ее обеими руками и прижать к груди.

– Софи! – завопил Йозеф, услышав гневный писк извивающейся твари. – Брось эту гадость немедленно!

– Но, Йозеф, она же такая славная! – крикнула Софи в ответ.

– Ну вот, опять, – вздохнул Иоганн.

Крыса вырвалась из рук девушки и поспешно зарылась в компостную кучу. Софи долго умоляла ее выйти. Но та не подавала признаков жизни, и принцесса разразилась слезами.

– Ты говорил, что механизм слегка заедает, но со временем выправится. Нет, Иоганн, не выправится! Это не сердце, а сплошная катастрофа! Она обожает сосиски! Она восхищается слизняками! А теперь полюбила поганую крысу! – зашипел Йозеф.

Иоганн хмурился, наблюдая, как Софи голыми руками роется в компосте.

– Ты прав, Йозеф, ее сердце несовершенно, – отозвался он. – Но все же оно работает. И еще ни разу...

– Тсс... Даже не говори об этом, – перебил его Йозеф. – Я полюбил эту девочку, как будто она моя родная дочь. Не могу и подумать, что мы можем ее потерять.

Иоганн повернулся к брату, похлопал его по спине:

– Знаю. Я чувствую то же самое. Но что нам остается? Сердце у нее точно такое, какое я сделал Ясперу.

Услышав это имя, Йозеф потупился:

– Только лучше. Ты сам говорил.

– Да, я кое-что улучшил. Но мы же знаем, чем кончится все дело. Вопрос только в том, когда.

Йозеф перевел взгляд на Софи.

– И что же нам делать? – спросил он, повторяя вопрос брата. – Скрывать от нее правду? Как раньше?

– Разве это честно?

– Мы и так не все ей говорим. Например, не называем ей имя того, в чьих руках теперь находится ее сердце. И разве можно поступить иначе? Ведь тогда ее ждет беда.

– Сколько мы еще будем молчать, Йозеф?

Йозеф наблюдал за девушкой, которая улыбнулась бабочке, посадила на ладонь кузнечика и заливисто рассмеялась, услышав болтовню белки. С каждым ее движением печаль все больше расползалась по лицу Йозефа, точно чернильная клякса по пергаменту.

– Столько, сколько сможем.

Глава 22

Женщина склонилась над истекающим кровью дровосеком.

Тот лежал на земле и вопил. Пару секунд назад он промахнулся по бревну, которое раскалывал, и вогнал топор в ступню правой ноги.

Лезвие разрезало грубую сапожную кожу, толстый шерстяной носок, а потом и кости самого дровосека. Тот выронил топор и рухнул на землю. Из раны хлестала кровь.

Взгляд женщины скользнул от ноги дровосека к его лицу. Оно посерело от боли. Человек все еще кричал, хотя и не так громко, как раньше. Но вот глаза его закрылись.

Женщина поцокала языком, выпрямилась и продолжила путь по дебрям Темного Леса.

Утро выдалось хлопотным. Сначала надо было посетить роженицу, с которой они вместе выдумали немало новых цветистых ругательств. Затем пришлось присмотреть за учеником зубодера, близоруким парнишкой с толстыми пальцами, пока тот вытаскивал кому-то зуб мудрости. После этого ее ждали на казни через повешение. Ну, там все прошло быстро – узел крепкий, шейка тонкая, раз-два, и готово.

Женщина не одну милю прошла по лесу невидимкой – темное платье было почти неразлично в тени больших деревьев. Под ее ногами увядала трава. От любого прикосновения ее рук, даже случайного, чернели стволы. От дикого взгляда бросались наутек лесные звери.

Час спустя, миновав прозрачный голубой пруд, она оказалась у опушки. На солнечной поляне стоял хорошенький домик, белый с красными ставнями. В оконных ящиках пышно цвели цветы. Из трубы вился дымок. Пахло свежим хлебом.

Женщина злобно уставилась на домик.

– Лощина, – буркнула она.

Ее взгляд скользнул по белому штaketнику изгороди. Совсем невысокая, да и не частая, но ни она сама, ни ее брат ни разу не смогли ее преодолеть.

– Заговоренная. Иначе быть не может, – добавила женщина, грызя ноготь большого пальца обломками зубов.

Семеро братьев всю жизнь старались не подпускать к себе эту парочку: сестру и брата. У них были надежные укрепления, сильнее всякой магии – книги и песни, цветы на окнах и сливовые пироги на столе. У них были они сами. Когда вечерами все вместе усаживались у камелька и, протянув ноги к огню, принимались рассказывать друг другу сказки, попивая добрый шнапс, ничто не могло разорвать их круг.

С досады женщина так дернула зубами за ноготь, что сорвала его. Потекла кровь. Вид крови успокоил ее, но ненадолго – в следующую минуту из дома во двор вышла девушка с корзинкой на локте. Пока женщина разглядывала ее, девушка подошла к кустам роз и стала срезать самые красивые цветы, которые бережно укладывала в корзинку.

– Этого не может быть! – Женщина прищурилась и шагнула почти к самой изгороди, от изумления позабыв об осторожности.

Нет, она не ошиблась. Девчонка... принцесса... она выжила.

– Но как? Ведь ее сердце в руках у моего брата. Я сама его видела.

Подойдя вплотную к изгороди, она внимательно разглядывала девушку во дворе. Что это у нее на груди, шрам? Большой, почти до горла.

– Что они натворили, эти коротышки, любители совать нос в чужие дела? – сказала она вслух.

Девушка повернулась к другому кусту и начала срезать розы с него, а женщина, не сводя с нее глаз, поспешно отступила в тень. В ее силах было преподать этой незаурядной девушке хороший урок. Раскрыть ей глаза на саму себя. Сделать так, чтобы она поняла: в ее душе есть столько силы и храбрости, сколько она никогда за собой не знала.

И какая-то часть ее существа очень к этому стремилась.

– Ведь иногда я приношу пользу, – шепнула она.

Вдруг ей на юбку плюхнулся блестящий зеленый жук. Женщина опустила руку, подождала, пока насекомое не заползет на ладонь, и криво усмехнулась. Затем поднесла ладонь ко рту и дунула. Жук упал на спинку, мучительно царапая лапками воздух.

– Но не всегда.

И стряхнула жука с ладони. Тот приземлился у ее ног и, прихрамывая, пополз прочь.

А женщина снова подняла на девушку свои красные глаза с воспаленными веками. Сорвала второй ноготь, развернулась так резко, что взметнулись черные лохмотья, и растаяла в лесной мгле – лишь мелкие брызги крови отмечали ее путь.

Глава 23

– Ну же, Вебер, испытай меня, – подначивала Софи паука.

Все пять дней, прошедшие с тех пор, когда она обнималась с крысой в саду Йозефа, Софи учила свое сердце повиноваться голосу разума, и теперь ей не терпелось проверить, насколько она преуспела.

Пришлось приложить немало усилий, обучая новое сердце держать чувства в узде – ровно так, как это делало старое, – но результат пока не впечатлял. Новое сердце почти всегда выдавало ее – всякий, кто был рядом с ней, точно знал, как она относится к тому или к этому, и ей ужасно не нравилось быть такой прозрачной. Ведь за ней придет Хаакон. Как же она будет жить при его дворе с сердцем, которое ведет себя, словно пьяное, по десять раз на день ставя ее в неловкое положение своими выходками? Разве она сможет стать той королевой, которую хочет видеть Хаакон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.